

В. Ф. ГЕНИНГ

УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пьяноборская культура получила название по многочисленным находкам, поступившим в конце прошлого столетия от крестьян из села Пьяный Бор (ныне Красный Бор, Татарской АССР), расположенного на правом берегу Камы несколько ниже устья р. Белой. Небольшими полевыми исследованиями, проведенными П. А. Пономаревым, Ф. Д. Нефедовым (1899) и А. А. Спицыным (1893), было установлено, что эти находки происходят из двух могильников, получивших в литературе названия I и II Пьяноборских могильников¹.

В 1898 г. в этом районе А. А. Спицын произвел раскопки могильников Ныргында I (9 погребений) и Ныргында II (36 погребений). (Древности, 1933). Он же отнес к культуре Пьяноборского могильника инвентарь исследовавшегося в 1881 г. могильника «Атамановы кости», в среднем течении р. Вятки, (Кузнецов, 1899; Спицын, 1901) и основной комплекс находок из Гляденовского костыща в Верхнем Прикамье, раскопывавшегося в 1896—1897 гг. (Спицын, 1901а; Новокрещенных, 1914). А. А. Спицын высказал мнение, что «культура Пьяноборского типа составляет непосредственное продолжение культуры Ананьинского могильника», и датировал могильники V—VII вв н. э. (Спицын, 1901, стр. 7, 9). Впоследствии к пьяноборской культуре был отнесен ряд могильников, раскопанных в Волго-Вятском междуречье: Вичмарский, Воробьевский (Худяков, 1928; Горюнова, 1934), Сунцевский, Азелинский (Худяков, 1934), Казанский (у Стекольного завода), Айшинский (Тальгрэн, 1918), Мари-Луговской (Горюнова, 1934а), Сюкеевский (Калинин, 1928), а также ряд крупных кладов и случайных вещей, найденных в районах устья р. Белой.

Пьяноборской культуре посвящен целый ряд обобщающих работ. Большинство авторов (М. А. Тальгрэн, М. Г. Худяков и А. П. Смирнов) датируют пьяноборскую культуру II в. до н. э. — V в. н. э. (Худяков, 1933; Смирнов, 1949) и полагают, что она распространялась на территорию всего Прикамья.

Огромный отрезок времени от II в. до н. э. М. Г. Худяков разделил на три стадии, на основе формально-типологического анализа вещей и наличия вещей эллинистического, римского периодов и эпохи «переселения народов».

¹). Второй Пьяноборский могильник иногда называют Муновским по д. Муново, расположенной восточнее с. Пьяный Бор.

Наиболее полно подобное представление о пьяноборской культуре отражено в одной из последних обобщающих работ А. П. Смирнова (1952), который отнес к пьяноборской культуре, кроме всех уже перечисленных памятников, также могильники так называемого харинского типа Верхнего Прикамья, представленные курганными захоронениями.

Иного взгляда на процесс исторического развития населения Прикамья придерживался А. В. Шмидт, который считал, что пьяноборская культура была распространена только в районах нижнего течения р. Камы. В Верхнем Прикамье, по его мнению, существовала синхроничная с пьяноборской культурой самостоятельная гляденовская культура (Шмидт, 1928, 1932). А. В. Шмидт впервые правильно датировал курганные захоронения Верхнего Прикамья и выделил их в харинскую культуру, IV—V вв. (Шмидт, 1927, 1928; Генинг, 1957, 1959б).

Слабой стороной этих построений была недостаточно прочная источниковедческая база, плохая документация материала, его случайность. Все это в известной мере являлось причиной разногласий в трактовке пьяноборской культуры (Смирнов, 1957). Для выяснения и проверки правильности основных исторических выводов требовалось накопление нового материала, достаточно массового и документированного, что исключило бы случайность в его исторической оценке.

В 1954—1957 гг. исследования памятников пьяноборской культуры были предприняты Удмуртской археологической экспедицией (Генинг, 1957, 1959 а; Генинг, Стоянов, 1961). Были продолжены раскопки могильников Ныргында I (6 погребений) и Ныргында II (34 погребения) и полностью исследован могильник Чеганда II (220 погребений). Впервые проводились широкие исследования поселений как городищ (Чеганда I, Ныргында II), так и селищ (Барановское селище) и получены богатые материалы для характеристики хозяйства и быта пьяноборских племен. Углубленные разведочные работы по правобережью р. Камы, в пределах Татарской и Удмуртской АССР, дали возможность определить культурную принадлежность многочисленной группы археологических памятников, в том числе выявить много поселений пьяноборской культуры.

В 1958—1959 гг. археологическая экспедиция ИЯЛИ КФАН обследовала левый берег в нижнем течении р. Белой и берега р. Камы от устья Белой до устья Вятки. Среди многочисленных памятников, обследованных экспедицией, значительное количество относится к пьяноборской культуре, но расположены они исключительно в районе устья р. Белой. Здесь же Ф. В. Генинг и А. Х. Халиков исследовали два новых пьяноборских могильника: Уяндык (18 погребений) и Кырнышский (7 погребений).

В 1955 г. объединенной экспедицией Кировского областного музея и Удмуртских научных учреждений, при участии антропологической экспедиции Московского университета под руководством М. С. Акимовой, производились раскопки Азелинского (20 погребений) и Суворовского (31 погребение) могильников на р. Вятке, давшие исключительно богатый вещевой комплекс. Раскопки на таком известном памятнике

ананьинской культуры, как Буйское городище (Збруева, 1952, стр. 288—292), подтвердили предположение М. В. Талицкого о двуслойности этого поселения (Талицкая, 1952, № 104). Верхний слой городища дал материал, относящийся, несомненно, к той же культуре, что и исследованные могильники (Генинг, 1958, рис. 38).

В 1956 г. А. Х. Халиков вскрыл на Мари-Луговском могильнике 45 погребений (Халиков, 1958).

В Верхнем Прикамье по линии других экспедиций автором велись раскопки на Федотовском городище у устья р. Ниж. Мулянки, вблизи известного Гляденовского костыща, и в Среднем Прикамье на Осинском городище у устья р. Тулвы, левого притока р. Камы (Генинг, 1956 г.). Оба эти поселения синхроничны пьяноборским могильникам. Во всех перечисленных районах широкие раскопки сочетались с разведочными обследованиями.

В настоящее время накоплен большой материал, намного превосходящий все ранее известное по пьяноборской эпохе в Прикамье. Это позволяет поставить по-новому проблемы хронологии, территории и социально-экономического развития племен пьяноборской культуры.

1.

Памятники пьяноборского типа впервые были выявлены на Каме в районе устья р. Белой. Здесь находятся могильники, давшие имя всей культуре, и именно этот район был взят в основу для ее изучения.

В результате работ последних лет на сравнительно небольшой территории Прикамья у устья р. Белой было выявлено 120 памятников, одновременных Пьяноборским могильникам (см. карту, рис. 1). За пределами этого района вниз по р. Каме, вплоть до ее устья, по р. Вятке, а также вверх по Каме до устья р. Тулвы и вверх по р. Белой почти до устья р. Уфы¹ памятников, синхроничных пьяноборским, не обнаружено, несмотря на неоднократные поиски, которые проводились в этих районах (Бадер, 1956; Генинг, 1958). Таким образом, можно считать твердо установленным, что территория распространения памятников пьяноборской культуры расположена на границе Среднего и Нижнего Прикамья в радиусе не более 50—60 км. от устья р. Белой.

Попытаемся дать сжатую характеристику основных категорий памятников пьяноборской культуры — поселений и могильников.

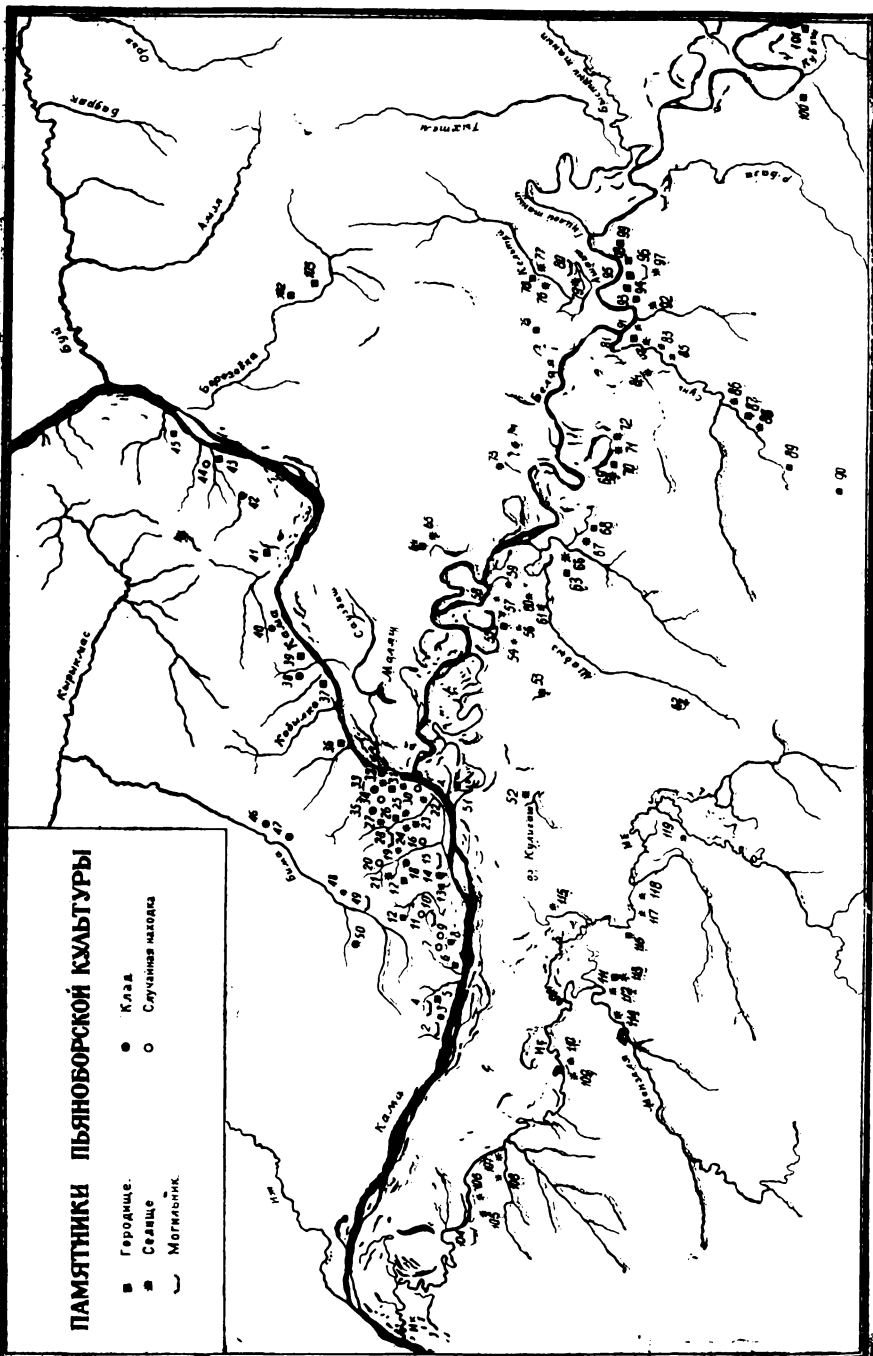
Могильников известно в настоящее время 9. На них вскрыто более 350 погребений.

В выборе места для могильников определенной закономерности не установлено. Все могильники содержат грунтовые захоронения. Могильные ямы имеют максимальную длину 260—270 см., обычную 150—200 см. Глубина могил в большинстве 30—70 см; наибольшая, но очень редко встречающаяся, — 100—105 см. Умершие уложены в деревянные гробовища, вытянуто на спине. Руки у мужчин вытянуты вдоль, у женщин нередко полусогнуты в локтях и кисти лежат на тазу. В ориенти-

¹) Оставляем в стороне рассмотрение района вверх по р. Белой от устья р. Уфы, поскольку это уже иная географическая зона—Западно-Уральская лесостепь.

ПАМЯТНИКИ ПЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

- Героидиче.
- Клад
- ✱ Селаше
- Случайная находка
- Могильник

а) ПАМЯТНИКИ ПО Р. КАМЕ

1. Акталынский клад 2. Пьяноборский могильник 3. Пьяноборское селище 4. Муновский могильник 5. Муновское II городище 6. Верхне-Малиновское городище 7. Зуевские находки 8. Зуево-Ключевское I городище 9. Зуево-Ключевские находки 10. Могильник Ныргында II. Ныргындинские находки 12. Городище Ныргында I 13. Камское селище 14. Барановское I селище 15. Могильник Ныргынта I 16. Выргындинские находки 17. Городище Ныргында II 18. Коростинский клад 19. Коростинские находки 21. Коростинское II селище 22. Селище Плоское место 23. Селище Я аша. I 24. Селище Ямаша II 25. Городище Каменный Лог 26. Селище Каменный Лог 27. Селище Максимов Лог 28. Могильник Чеганда II 29. Чегандинские II находки 30. Селище Чеганда II 31. Городище Чеганда I 32. Селище Малая Чеганда 33. Чегандинский II клад 34. Чегандинские II находки 35. Чегандинский I клад 36. Колесниковское I городище 37. Юнгинское II городище 38. Каракулинский клад 39. Каракулинское II городище 40. Каракулинское селище 41. Верхне-Мошаровское городище 42. Трошковский клад 43. Кухтинское городище 44. Кухтинские находки 45. Сухаревское городище 43. Исенбаевский клад 47. Мадыйский клад 48. Ожбуйское селище 49. Коноватовский могильник 50. Клад Каменный Ключ.

б) ПАМЯТНИКИ ПО Р. БЕЛОЙ.

51. Городище Дербышки 52. Селище Кулигаш 53. Селище Васкуль 54. Селище Тат Ямалы I 55. Городище Тат Ямалы 56. Селище Тат Ямалы II 57. Селище Масде I 58. Селище Масде II 59. Селище Масде III 60. Селище Варсуково 61. Нижнегазейское селище 62. Чиниковское селище 63. Городище Такталачук 64. Ново-Кабановское городище 65. Старокабановское селище 66. Уразевское селище 67. Селище Такталачук 68. Городище Ильчибай 69. Селище Ирмаш II 70. Городище Ирмаш 71. Селище Ирмаш I 72. Актаньшское II селище 73. Селище Вачки-Тай 74. Стаго-Янзыгитовское селище 75. Городище Кокры-Куль 76. Селище Вурнош I 77. Селище Вурнош II 78. Городище Вурнош 79. Селище Янгизарат 80. Могильник Янгизарат 81. Городище Петер-Тай 82. Юлдашевское селище 83. Н. Кыргизское селище 84. Талномосовское II селище 85. Ябалаковское селище 86. Селище Кызыл-Елга 87. Шаметовское городище 88. Шаметовское селище 89. Минировское городище 90. Турчинское городище 91. Ново-Медведовское селище 92. Ново-Медведовское I селище 93. Ново-Медведовское I городище 94. Ново-Медведовское II городище 95. Городище Уандык 96. Могильник Уандык 97. Селище Уандык I 98. Андреевское городище 99. Аначевское городище 100. Болтачевское городище 101. Дюртголинское городище.

в) ПАМЯТНИКИ ПО Р. ВЕРЕЗОВКЕ

102. Якимовское I городище 103. Якимовское II городище.

г) ПАМЯТНИКИ ПО Р. ИК

104. Кырнышский могильник 105. Горно-Купшелевское III селище 106. Горно-Купшелевское II селище 107. Тойгузинское II селище 108. Деуковское селище 109. Подгорно-Вайларское II селище 110. Подгорно-Вайларское III селище 111. Усть-Мензельское городище 112. Усть-Мензельское I селище 113. Усть-Мензельское II селище 114. Мензельское селище 115. Игнское селище 116. Ново-Мельзинское городище 117. Дуснайчинское селище 118. Селище Сарсаз-Тралы 119. Катамурзинское селище

ровке умерших по сторонам горизонта намечается несколько локальных вариантов, связанных, возможно, с племенными различиями. В Чегандинско-Ныргындинской группе (наиболее многочисленной по исследованиям) костяки в абсолютном большинстве лежат головой на восток, в Пьяноборской — на север, а в Бельской, наиболее смешанной, кроме того, встречаются южная и изредка западная ориентировки. На могильнике Чеганда II встречено несколько костяков в скорченном положении.

Интересно отметить, что в ананьинских могильниках погребенные лежат всегда ногами к реке, а могилы расположены рядами у края высокого берега реки (Збруева, 1952, стр. 124). Ничего этого в пьяноборских могильниках не наблюдается. На площадках пьяноборских могильников погребения расположены компактной массой, где не выдержаны ни ряды могил, ни какая-либо иная группировка (рис.4).

Из сопровождающих вещей в погребениях единично встречаются оружие (мечи, наконечники стрел), и почти полностью отсутствуют орудия труда (за исключением железных ножей). Основную массу вещевого материала в погребениях составляют всевозможные украшения и принадлежности костюма, находящиеся в том порядке, как они носились или располагались на костюме при жизни.

Остатки жертвенной пищи, глиняные сосуды в погребениях не встречаются¹.

Поселения пьяноборской культуры представлены в настоящее время 36 городищами и 57 селищами. Следует отметить, что до наших работ эта категория памятников не была достаточно четко выявлена. По устройству укреплений городища разделяются на три типа.

1. Городища, укрепленные с напольной стороны одним валом и рвом. Таких в настоящее время известно 15 (рис. 2 — 1, 2).

2. Городища, которые имеют с напольной стороны два ряда валов и ров, причем они могут быть расположены не вплотную друг к другу, а на некотором, иногда значительном, расстоянии. Таких городищ — 10 (рис. 2 — 4, 5).

3. Городища, имеющие вокруг всей площадки вал и с напольной стороны ров (так называемые городища с кольцевым валом), их 2 (рис. 2 — 7).

У каждого из этих типов имеется разновидность, состоящая в укреплении дополнительным валом конца мыса у первых двух и с напольной стороны у третьего типа (рис. 2 — 3, 6, 8).

По величине укреплений площадки все городища могут быть разделены на две группы — малые с площадью от 500 до 4 тыс. кв. м. и большие — с площадью 4—15 тыс. кв. м. Малые городища содержат весьма незначительные культурные остатки, но имеют мощные защитные сооружения. Это, безусловно, городища-крепости и убежища, что и подтвердилось небольшими раскопками на городище Такталачук, где выявлены мощные укрепления, но почти совершенно отсутст-

¹) Исключение составляют три случая, на могильнике Ныргында II. Два сосуда было обнаружено при раскопках А. А. Спицына и один при наших.

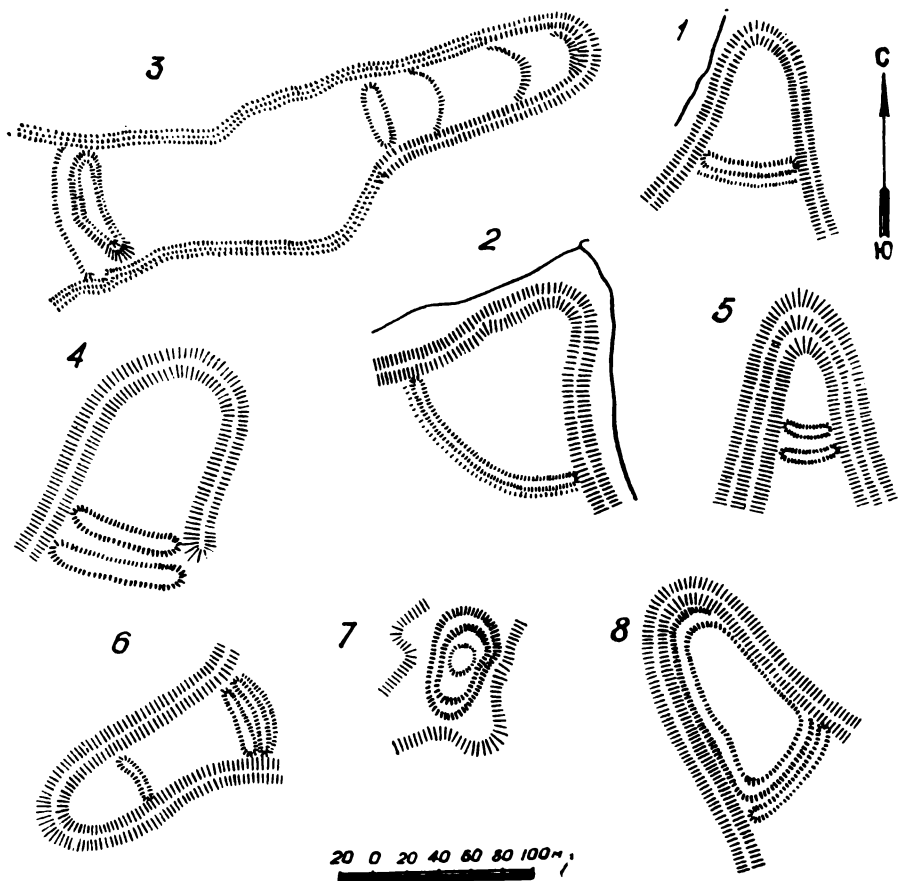

Рис. 2. Типы пьяноборских городищ

1.—Дербешкинское, 2—Минияровское, 3—Чеганда I, 4—Ирмяш, 5—Дюрюлинское, 6—Юньгинское, 7—Якимовское II, 8—Петер-Тау.

зает культурный слой. На больших городищах обнаружены остатки жилищ, культурный слой богат зольными включениями и бытовыми остатками. Это постоянные поселения. Лучше всего этот тип поселения изучен на городище Чеганда I.

Селища также разделяются по площади на крупные и мелкие, но у всех культурный слой менее насыщен, чем на городищах.

На многих поселениях нашими исследованиями впервые выявлены пьяноборские жилища. Это наземный сруб размером $9-11,5 \times 5-5,5$ м. с одним, редко двумя очагами в середине и лежанкой вдоль левой и противоположной от входа сторон (Генинг, 1958, рис. 22). Округлые очаги, обставленные камнями, устраивались на раннем этапе непосредственно на грунте, а на позднем—на специально приподнятой глинобитной подушке (рис. 3 — 6). Особенно полно жилища представлены

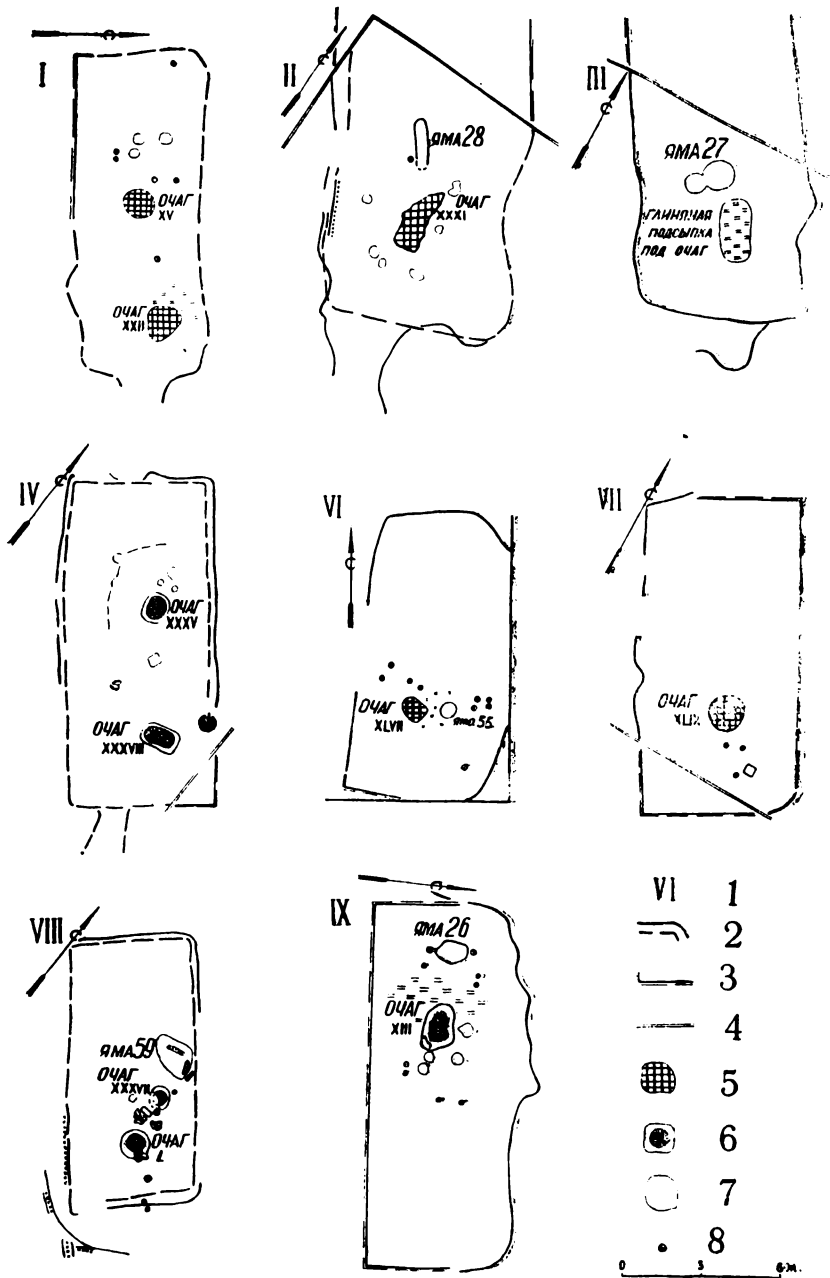

Рис. 3. Планы жилищ городища Чеганда I
1—номера жилищ, 2—зафиксированные очертания углублений пола; 3—предполагаемые границы; 4—границы исследованной площади; 5—очаги-кострища без подсыпки; 6—то же, с глинобитной основой; 7—ямы; 8—столбы.

в материалах городища Чеганда I, где вскрыты частично или полностью остатки не менее 19 жилищ. На этом же памятнике удалось выявить планировку поселка в виде улицы из двух рядов домов, каждая шириной в 10—15 м. Жилище стояло по отношению к оси улицы под небольшим углом, образуя ломанный ряд (рис. 13). За пределами жилищ находились ямы, кладовки, преимущественно цилиндрические в сечении, диаметром и глубиной до 1 м., летние очаги кострища и различные производственные комплексы, среди которых, пожалуй, наибольший интерес представляют древнейшие в Прикамье горны для варки железа.

2

Вещевой материал пьяноборской культуры, полученный в результате раскопок могильников и поселений с привлечением старых коллекций, позволяет в настоящее время дать хорошую документированную классификацию и типологию его. На могильниках только раскопками последних лет собрано более 300 погребальных комплексов, содержащих до 5 тысяч вещей. Не менее многочисленны материалы с поселений, содержащие однако в абсолютном большинстве обломки глиняной посуды и кости животных.

Существовавшее трехчленное стадияльное деление Худякова — Смирнова в настоящее время уже не может удовлетворить нас, поскольку оно основано на случайных материалах и не отражает действительного исторического процесса развития пьяноборского населения. Ранняя стадия этой периодизации представлена фактически лишь одним погребением Уфимского могильника (Смирнов, 1952, стр. 71), которое по материалу ряда других исследователей относится к ананьинской культуре (Збруева, 1952, стр. 73).

К поздней, третьей стадии отнесены памятники, которые вообще должны быть исключены из пьяноборской культуры, поскольку расположены в другом районе, в Волго-Вятском междуречье, и по уровню общественно-экономического развития населения, оставившего эти памятники, относятся к совершенно другому этапу — азелинской культуре (Генинг, 1958, 1959). Кроме того, существовавшее стадияльное деление фактически рассматривало в развитии всего лишь одну вещь — эполе-тообразные застёжки, почти произвольно располагая все остальное. Вновь полученные материалы в рамках этого деления не укладывались, что заставило нас отказаться от него.

Обратимся к конкретному материалу. Основную массу пьяноборского вещественного материала составляют в настоящее время украшения и принадлежности костюма, изготовленные преимущественно из меди и бронзы. Развитие этого комплекса лучше всего прослеживается по материалам могильника Чеганда II, который исследован полностью и дал наибольшее количество вещей (более четырех тысяч экземпляров). Все остальные могильники содержали совершенно аналогичные материалы, отличающиеся незначительными вариациями форм, представленных в Чеганде. Датировка отдельных погребальных комплексов могильника Чеганда II позволила проследить последовательность за-

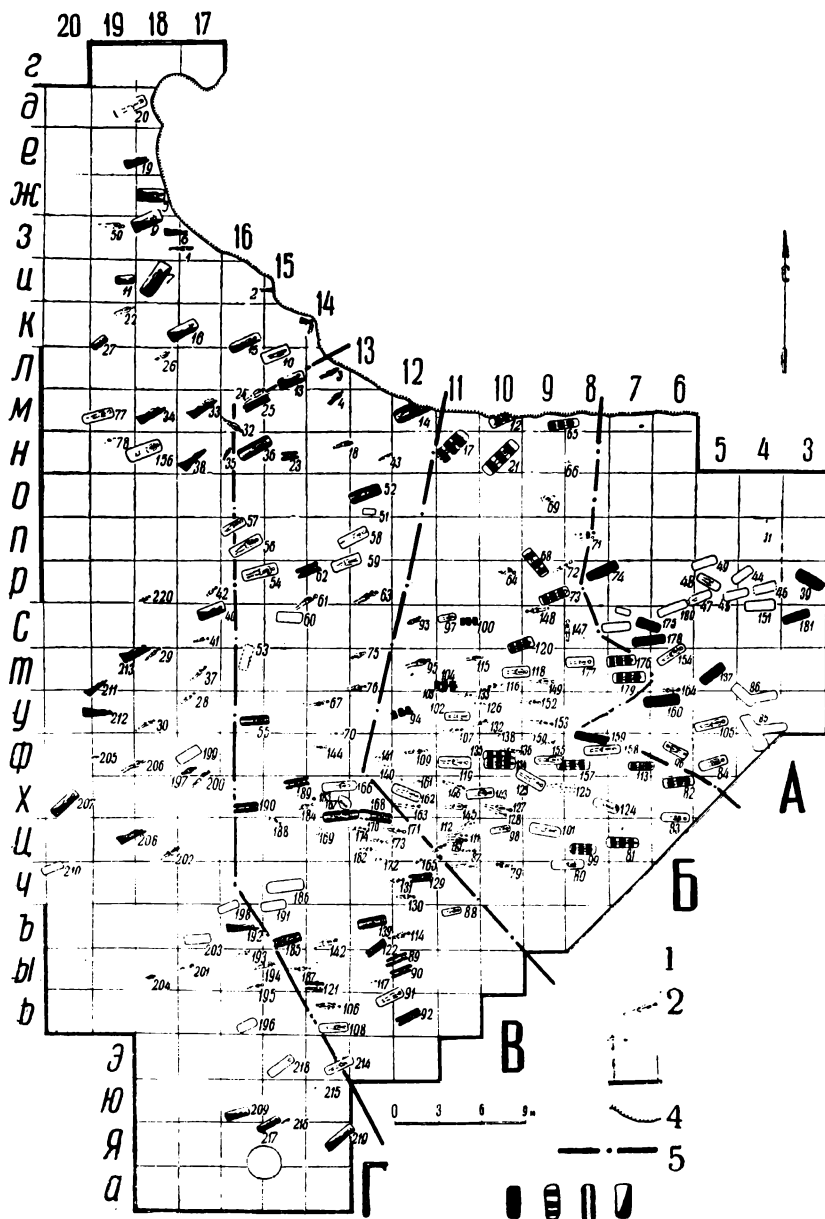

Рис. 4. Общий план раскопок могильника Чеганда II
 1—2—погребения; 3—границы участков и края исследованной плсщадн; 4—
 обрыв к реке, 5—примерные границы стадий могильника; 6—основные датиро-
 ванные погребения последовательных стадий.

полнения его площади погребениями в направлении с востока на запад (рис. 4). Это, в свою очередь, дало возможность включить в корреляционную таблицу (рис. 5) в такой последовательности весь инвентарь всех погребений и проследить развитие как отдельных этапов всех вещей, так и всего комплекса в целом. По наметившимся различиям вещей могильников Чеганда II, проверенным затем на материале могильника Нырғында II, весь пьяноборский комплекс, датирующийся пятью веками от второй половины III в. до н. э. до II — начала III в. н. э., разделен на четыре стадии, условно обозначенные буквами русского алфавита «А», «Б», «В», «Г».

Остановимся на топологическом развитии некоторых наиболее характерных вещей и, прежде всего, эполетообразных застёжек. Именно эта вещь чаще всего привлекала внимание исследователей, пытавшихся проследить эволюцию форм. Хронологические и стадийные схемы, построенные М. Г. Худяковым по формалистическим наблюдениям, были в общем близки к действительности (Худяков, 1929).

На могильнике Чеганда II собран 21 экземпляр застёжек из 47 экземпляров, найденных в рассматриваемом районе. Эполетообразные застёжки, без сомнения, являлись застёжками женского поясного ремня, так как в погребениях они всегда находятся в области таза (Генинг, 1958, 1959 а). Застёжки пьяноборской культуры имеют характерную форму и довольно сложную технику изготовления (рис. 6 — 1—5; 8 — 14; 7 — 15, 16, 35, 50, 72, 73.). Круглая задняя бляха с костыльком и треугольная или трапецевидная передняя пластинка с крючком соединяются между собой при помощи жгутов-стержней. Жгуты, имеющие в середине железные стержни, обвертывались медным листком и для соединения между собой вкладывались в литейную форму, где отливалась передняя пластина с крючком. Задняя бляха, отлитая отдельно, припаивалась затем к другим концам жгутов. Иногда отдельные узоры на бляхе напавались дополнительно.

Эволюция формы застёжек представляется в следующем виде. На стадии «А» встречаются застёжки небольшого размера с одним жгутом и круглой (рис. 6—2; 7—15, 16) или подтреугольной¹ задней бляхой. На двух экземплярах по обе стороны от центрального соединительного жгута припаяно по тонкому шнуручку (рис. 6 — 3), что намечает переход к следующей стадии. На стадии «Б» застёжки имеют три соединительных жгута, круглую бляху с полугорошинами по краям и кнопкой в центре, передний щиток-пластинку треугольной формы (рис. 6 — 4; 7 — 35). Общая длина застёжек на стадии «Б» находится в пределах 13—14 см.

Дальнейшее развитие формы связано с общим увеличением размеров и количества соединительных жгутов. На стадии «В» бытуют в основном застёжки с четырьмя жгутами (рис. 6 — 5; 7 — 50), изредка встречаются с пятью жгутами (рис. 8 — 14; 7 — 72). Длина застёжек

¹) Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына табл. XI — 15. В одном случае бляха была оформлена в виде сидящей птицы (или зверя?), см. рис. 6—1 и 7—14 в нашей статье.

[illegible]

рис. 5. Корреляционная таблица развития вещевого комплекса могильника Ченда II по стадиям.

с четырьмя жгутами — 15—18,5 см, с пятью — от 17 до 20 см. На стадии «Г» количество жгутов увеличивается до 13; застежки достигают длины 33—35 см (могильник Ныргында I, Ахтиальский клад). Концы передней пластины, имеющей трапециевидную форму, украшаются шнуровым орнаментом (рис. 7 — 15), количество этих шнуров доходит до 27. У застежек этого типа задняя бляха имеет иногда слегка овальную форму и центральную кнопку гораздо меньшего размера (Спицын, 1901, табл. IV—4, 5; Древности, 1933, рис. 4—9). Более половины всех известных в настоящее время застежек (25 экз.) относятся к стадии «Г».

Не менее характерной вещью пьяноборской культуры являются височные подвески в виде знака вопроса с незамкнутым проволочным кольцом и грузиком конической формы. По устройству конического грузика подвески делятся на несколько разновидностей.

Витые подвески (рис. 8 — 1) встречаются на протяжении всего периода пьяноборской культуры, литые (рис. 8 — 3) — в первой половине, а трубчатые (рис. 8 — 4) — во второй. Припаянные (рис. 8 — 5) единично известны в позднепьяноборских комплексах. Из других форм височных подвесок, встречающихся довольно редко, кольцевые и петельные (рис. 8 — 2, 6, 7) бытуют на стадиях «А» и «Б», а листовидные (рис. 6 — 9) — на стадиях «В» и «Г».

Чрезвычайно широко употреблялись для украшения пьяноборского костюма круглые медные бляшки всевозможных размеров. Бляшки малого (диаметром менее 1 см) и среднего (диаметром 1,5—2 см.) размеров с выпуклой лицевой стороной (рис. 9 — 2, 4) бытуют на протяжении всего периода пьяноборской культуры. Столь же часто встречаются большие бляшки (диаметром 3—5 см.) с одним или двумя ушками сзади (рис. 9 — 6, 17). На стадии «В» появляются всевозможные разновидности этих бляшек, широко распространяющиеся затем на стадии «Г». Так, малые бляшки делались иногда плоскими (рис. 9 — 3); выпуклые средние, имевшие раньше лишь перекладыны сзади, приобретают иногда петлю (рис. 9 — 5); появляются также средние бляшки с плоской поверхностью и одной, двумя и даже четырьмя петлями сзади (рис. 9 — 7, 8). На стадии «Г» появляются выпуклые большие бляшки и с умбоном — кнопочкой (рис. 9 — 9, 10, 16).

Одним из излюбленных украшений пьяноборского женского наряда были нагрудные бляхи. Они встречаются по одной, по две и даже по три на одном костюме. Большие плоские и умбовидные бляхи из меди (рис. 6—10) бытуют на протяжении всех стадий (рис. 7—28, 29, 68, 97). Начиная со стадии «В», широко распространяются выпуклые бляхи из серебристого сплава с небольшим отверстием в центре для прикрепления к костюму (рис. 7 — 69). Иногда поверхность блях украшена узором из концентрических кругов и шестилепестковой розетки (Спицын, 1901, табл. III — 14). На стадии «Г» появляются бляхи с игольчатой застежкой и постепенно усложняющимся узором (рис. 7—70, 98, 99).

Довольно часты обувные и поясные кольцевые застежки, служившие для застегивания узких ремешков на подъеме. На стадии «А» бы-

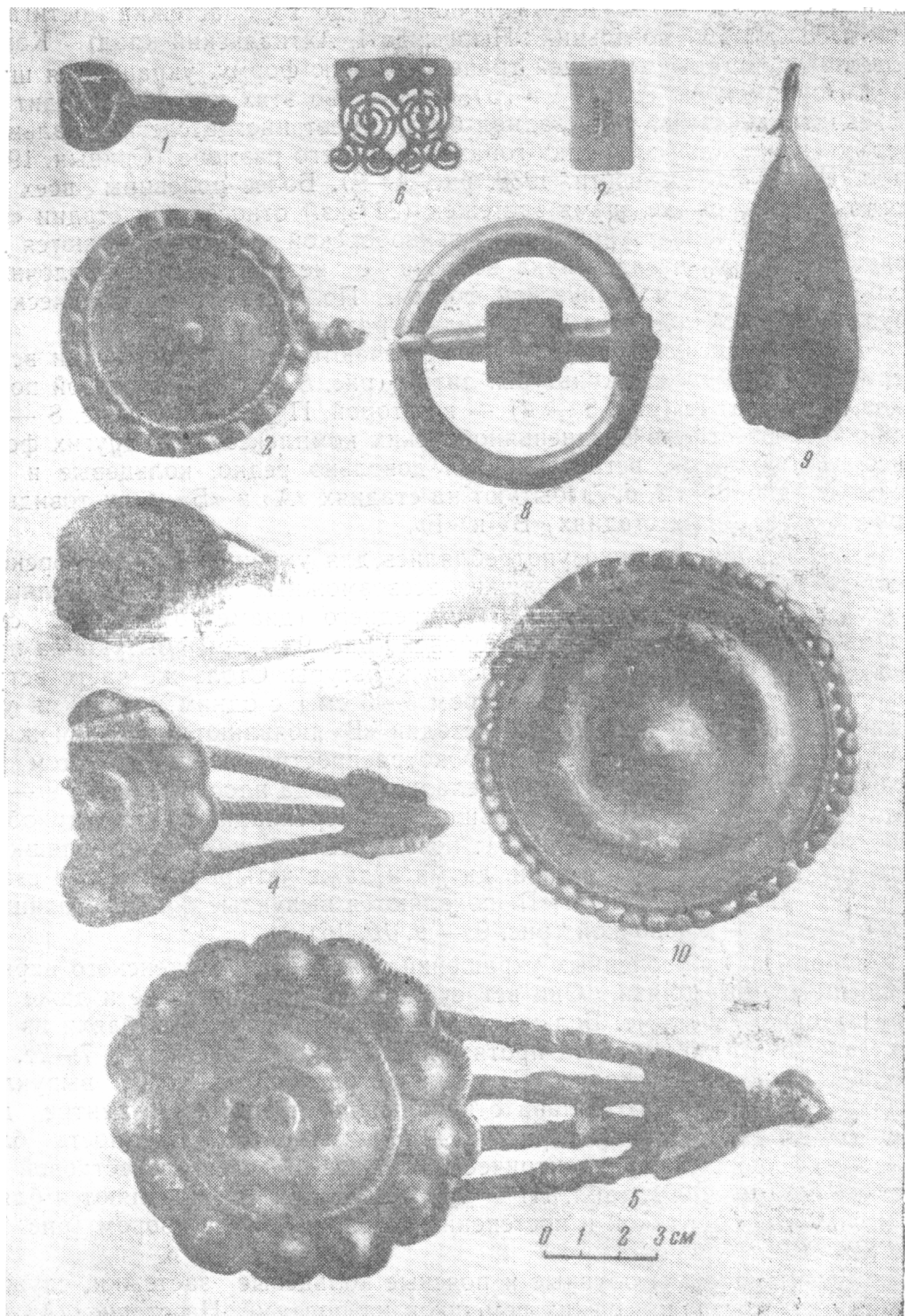

Рис. 6. Могильник Чеганда II.

1—5 эполетообразные застёжки; 6—7—бляшки-накладки; 8—пряжка; 9—вишечная подвеска; 10—нагрудная бляха.

туют проволочные застёжки с восьмеркообразной формой кольца (рис. 7 — 17, 18), которые позднее приобретают форму овального кольца, иногда с пережабиной (рис. 7 — 39, 40; 8 — 8). В дальнейшем из этих застёжек, путем заполнения внутреннего пространства их, развиваются пластинчатые застёжки, употреблявшиеся чаще для застегивания пояса (рис. 7 — 41, 77, 78). Ранней формой являются также литые застёжки в виде круглого кольца с пуговкой (рис. 8 — 9), бытующие на стадии «Б», а также застёжки с заполнением поля внутри кольца (рис. 8 — 10).

Дальнейшее развитие этих застёжек ведет к украшению кольца всевозможными узорами и замене на некоторых экземплярах пуговки одной или двумя петлями (рис. 8 — 11). В конце пьяноборской эпохи появляются также застёжки с обоймочкой и крючком вместо пуговки (рис. 7 — 75). У некоторых экземпляров кольцевых застёжек пуговка посажена на петлю (рис. 7—36). Из соединения круглых кольцевых застёжек, имевших иногда форму бляшки (рис. 8—10), с проволочными рамчатыми (рис. 8 — 8) возникает новый специфически пьяноборский тип застёжки с бляшкой и дужкой (рис. 8 — 12, 13). На бляшке сзади находится петля, а на дужке — неподвижный крючок.

Не останавливаясь на описании развития всех типов вещей, сошлемся на таблицу (рис. 7), которая достаточно наглядно показывает их развитие, и приведем перечень распространения тех или иных форм по отдельным стадиям.

Для всего периода пьяноборской культуры, датируемого концом III в. до н. э.—II в. н. э., характерны:

височные подвески в виде знака вопроса с разомкнутым кольцом и витой конической трубицей (рис. 7 — 22, 87, 88),

круглые бляшки — накладки с выпуклой поверхностью и перекладиной (рис. 7—26),

круглые бляшки — накладки большого размера с плоской поверхностью (рис. 7 — 27, 47, 95),

нагрудные медные бляхи с гладкой поверхностью (рис. 7 — 28, 96),

умбоновидные нагрудные бляхи (рис. 7 — 29, 68, 97).

Для стадии «А», датируемой III—началом II в. до н. э. характерны:

эполетообразные застёжки с одним жгутом (рис. 7 — 14—16),

восьмеркообразные застёжки с неподвижным крючком (рис. 7 — 17, 18),

железные мечи прохоровского и позднескифского типов (Генинг, 1958, рис. 19 — 11).

На стадии «Б», относящейся к концу II—I вв. до н. э., встречаются:

эполетообразные застёжки с тремя жгутами (рис. 7 — 35),

кольцевые застёжки с неподвижным крючком простейшего типа (рис. 7 — 36—38),

рамчатые застёжки с неподвижным крючком (рис. 7—39, 40),

ножны с медными наконечниками (Генинг, 1958, рис. 24—9).

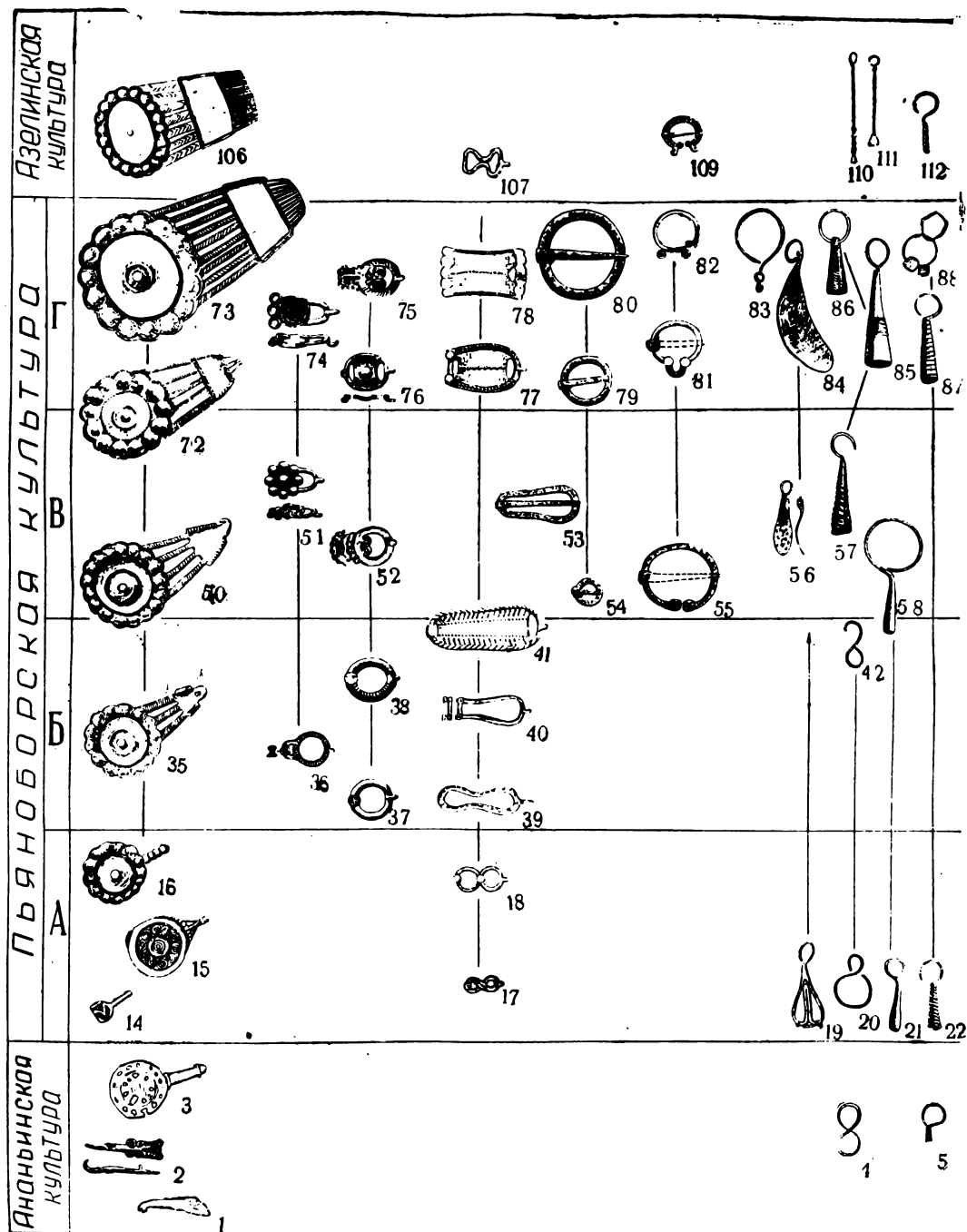
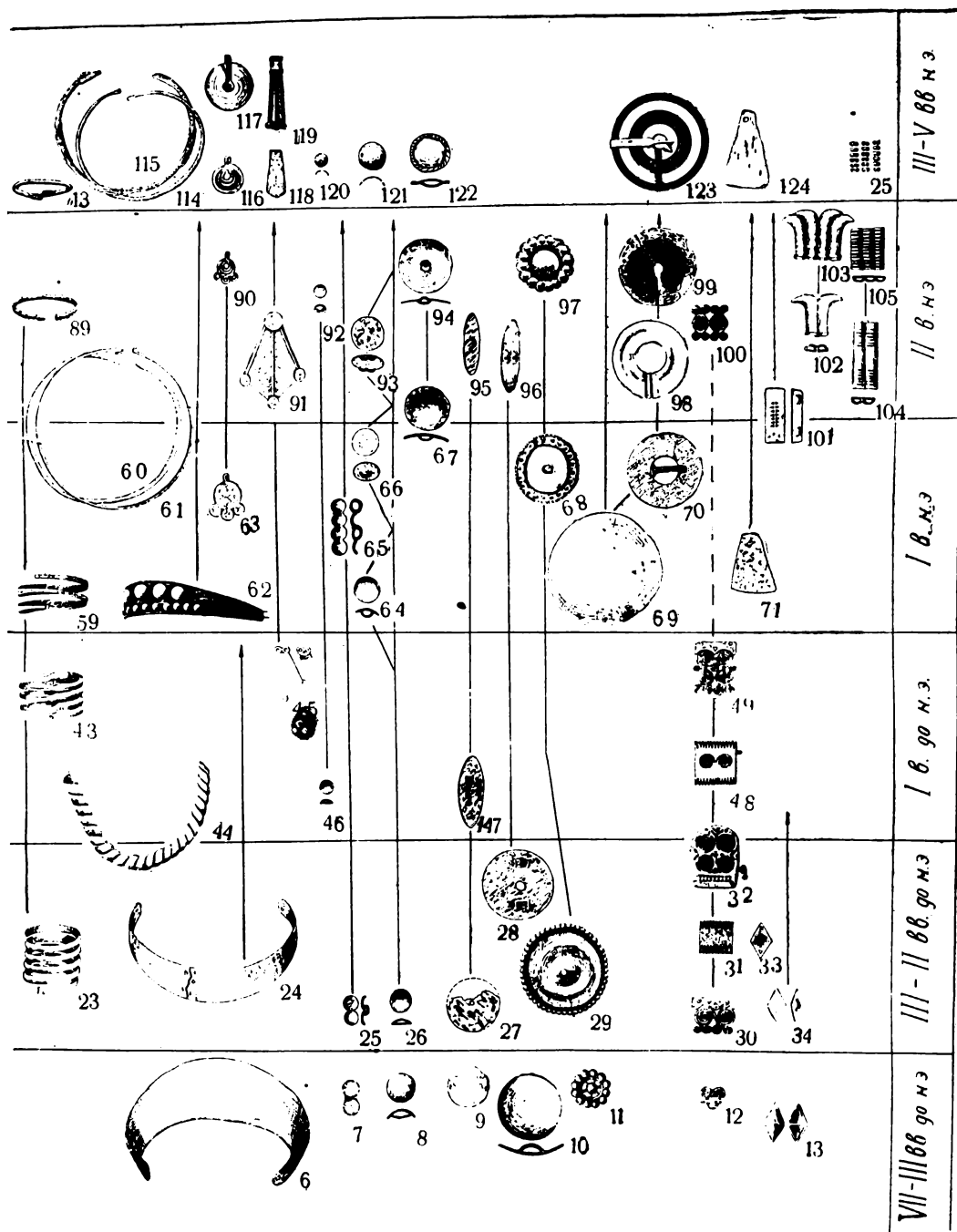

Рис. 7. Эволюционные ряды украшений пьяноборской
Ананьинская культура (1—13): 1—Усть-Нечкинское городище; 2—городище
Гроханы; 3, 5, 11—Уфимский могильник; 4, 7, 8—Зуевский могильник; 6—Гулькинский
могильник; 9—Луговской могильник; 10, 12—Каракулинский могильник; 13—Ананьин-
ский могильник. Пьяноборская культура: (14—105). 18, 70, 82, 98—могильник

культуры.

Нырғында II: 99—могильник Нырғында I; 75—Пьяноборский могильник; 77—могильник Уяндык; 78—Коростинский клад, остальное—из могильника Чеганда II. Азелинская культура (106—125): 106, 109, 111, 113, 115, 117—123, 125—Суворовский могильник; 107, 112—Азелинский могильник; 116, 124—могильник Атамановы Кости.

На стадиях «А» и «Б» бытуют:

височные подвески петельные и кольцевые (рис. 7 — 19, 20, 42),
височные подвески в виде знака вопроса с разомкнутым концом и литой конической трубицей, встречающейся также в начале стадии «В» (рис. 7 — 21, 58),

ромбические и ажурные медные накладки (рис. 7 — 30—34, 48, 49),

многочитковые браслеты (рис. 7—23, 43),

спиральновитые гривны (рис. 7 — 44),

медные пластинчатые кокошники (рис. 7 — 24).

На стадии «В», относящейся к I в. н. э. появляются:

эполетообразные застёжки с четырьмя жгутами (рис. 7 — 50),

продолжают бытовать кольцевые застёжки с неподвижным крючком, появившиеся на предшествующей стадии «Б», но здесь они несколько усложняются дополнительными украшениями (рис. 7 — 52),

встречаются также соединенные по две накладки, появившиеся еще на стадии «А» (рис. 7 — 25).

Вся же основная масса украшений, появляющихся в это время, бытует и на следующей стадии «Г» вплоть до конца пьяноборской эпохи (II — начало III в. н. э.).

На стадиях «В» и «Г» (I—II вв. н. э.) встречаются:

застёжки с дужкой и неподвижным крючком (рис. 7 — 51, 74),

пряжки малого размера из меди или железа (рис. 7 — 54),

застёжки-сьюлгамы из меди и железа (рис. 7 — 55, 81, 82),

височные подвески в виде знака вопроса с трубицей из медного листка (рис. 7 — 57, 85),

листовидные височные подвески (рис. 7 — 56, 84),

шейные подвески в виде круглого щитка (рис. 7 — 63, 90),

ра, появившиеся на стадии «Б» (рис. 7 — 46),

круглые бляши-накладки с выпуклой поверхностью малого размера, такие же бляшки среднего размера и с петлей (рис. 7 — 64),

такие же бляшки с плоской поверхностью малого и среднего размеров (рис. 7 — 66, 92),

рубленные бляшки-подвески (рис. 7 — 71),

поясные накладки (рис. 7 — 101),

соединенные по три или более бляшки (рис. 7 — 65),

нагрудные бляхи из белой бронзы и с игольчатой застёжкой (рис. 7 — 69, 70, 98, 99),

однорядковые браслеты (рис. 7—89),

гладкопроволочные гривны (рис. 7 — 60, 61).

В основном для стадии «Г» характерны:

эполетообразные застёжки с пятью и более жгутами, круглой или овальной задней бляхой и ложными шнурами (рис. 7 — 72, 73),

пряжки, преимущественно железные, среднего и большого размеров (рис. 7 — 79, 80),

височные подвески с конической трубицей и припаянным кольцом (рис. 7 — 86),

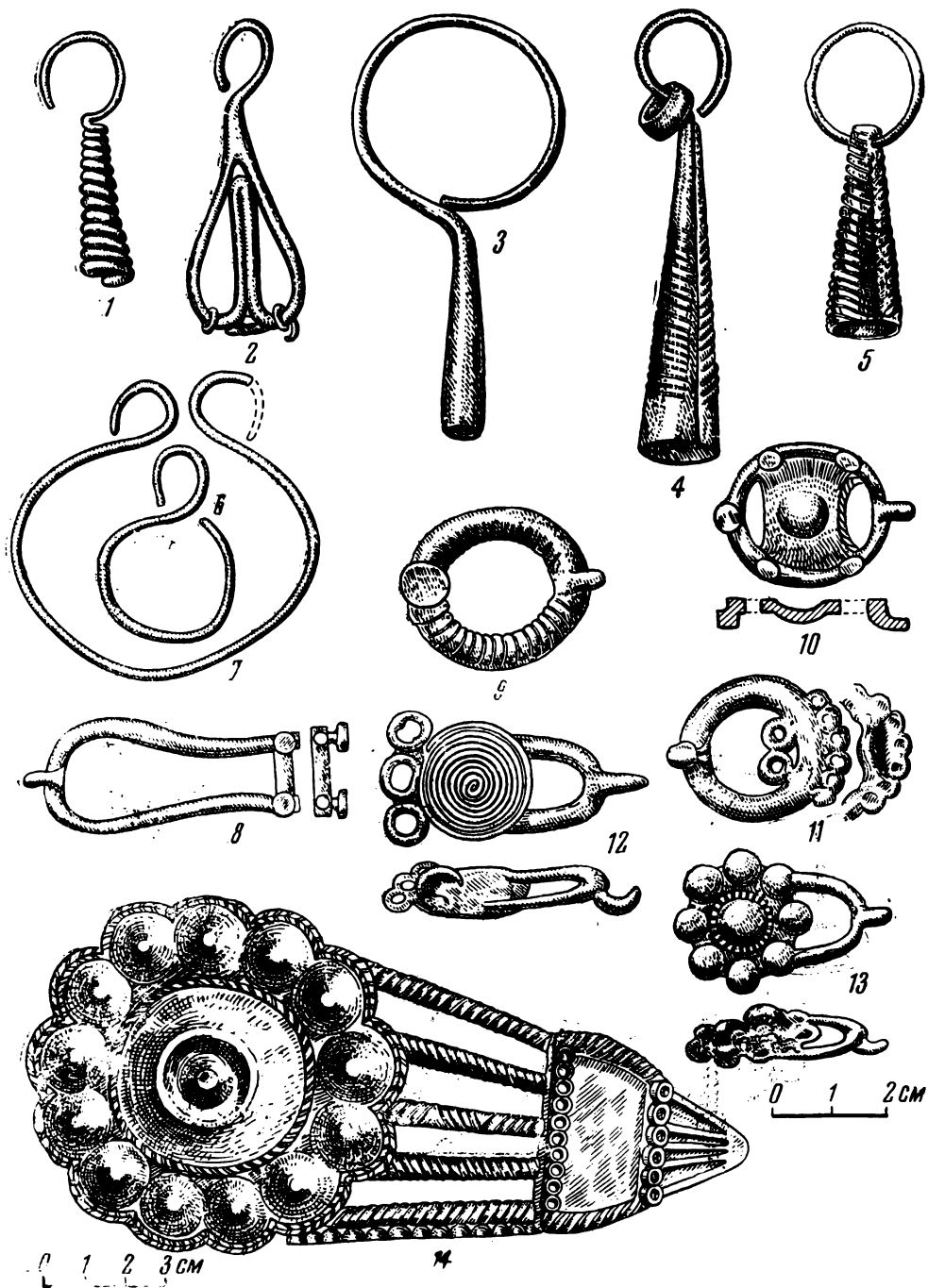

Рис. 8. Могильник Чеганда II. Медные украшения и принадлежности костюма.
 1—7—височные подвески; 8—13—обувные застёжки; 14—эполетообразная поясная застёжка.

височные подвески в виде знака вопроса с напускной бусиной (рис. 7 — 83),

выпуклые бляшки гладкие или с умбоном. (рис. 7—67, 94),

фигурные нагрудные подвески,

лапчатые, сапожковые и полуцилиндрические подвески (рис. 7 — 91, 102—105),

черешковые костяные наконечники (рис. 9 — 3, 4),

ножны кинжалов и ножей с бляшками, накладками и железными наконечниками (Генинг, 1958, рис. 24 — 10).

Начиная со стадии «Б», употребляются: втульчатые трехгранные наконечники стрел из кости, а железные трехперые наконечники бытуют на всем протяжении пьяноборской культуры (рис. 9—1, 2). В

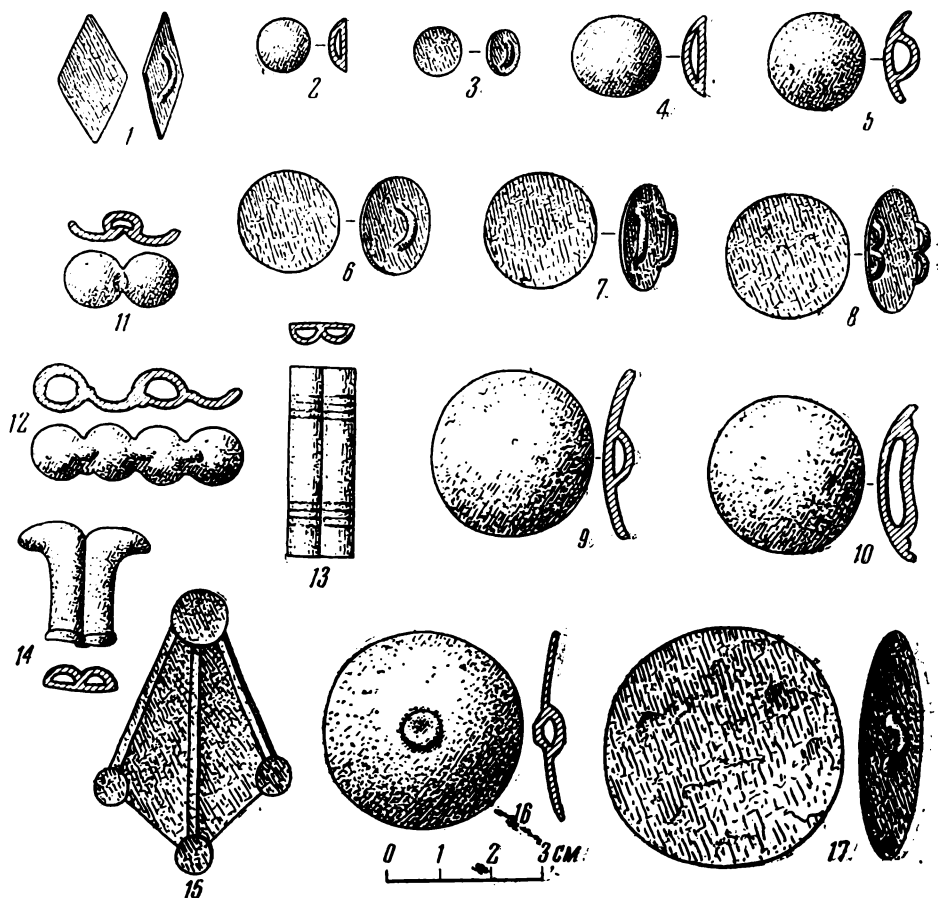

Рис. 9. Могильник Чеганда II. Медные бляшки-накладки и подвески.

поздних комплексах встречены мечи с медными навершиями рукоятей, обоймами и наконечниками ножен (Генинг, 1958, рис. 24—11), но в это

же время встречаются мечи без подобной отделки. Наряду с мечами с двухлезвийными клинками употребляются и однолезвийные (Генинг, 1956, рис. 6). Вообще, оружия в настоящее время известно еще чрезвычайно мало, чтобы можно было проследить его изменение на протяжении пьяноборской культуры.

Раскопки поселений впервые дали большие и целостные комплексы керамики пьяноборской культуры. Ни о каком упадке керамического производства этой культуры или массовой замене глиняных сосудов деревянными, как полагали отдельные исследователи (Худяков, 1933), не может быть и речи¹.

Пьяноборская керамика достаточно полно характеризуется по материалам из раскопок городища Чеганда I, где удалось выделить фрагменты более 1500 сосудов. Вся посуда круглодонная. В глиняном тесте всегда имеются примеси толченых раковин, поверхность сосудов в большинстве заглажена твердым предметом, вероятно, щепкой. По форме среди пьяноборской посуды преобладают традиционные для Прикамья чаши с хорошо выраженной шейкой, появившиеся еще в ананьинское время (рис. 10). Однако характерного для ананьинских сосудов утолщения («воротничка») вокруг шейки на пьяноборских сосудах нет. Весьма незначительный процент (4,5%) общего количества составляют открытые блюда и пиалообразные чаши (рис. 10 — 4).

Орнаментация сосудов однообразна и даже бедна. Из общего количества сосудов по шейке орнаментировано около 28—30%. Еще реже (14—15%) встречается орнамент по верхнему обрезу шейки сосуда — венчику. Сочетания орнамента по шейке и венчику крайне редки (около 4%). Орнамент по шейке представлен исключительно ямочными вдавлениями круглой, треугольной или продолговатой формы (рис. 10). Орнаментальные узоры состоят чаще всего из одного пояса ямок. Орнамент по венчику представляет собой всегда насечку по наружному краю (рис. 10 — 8, 10), чаще всего с наклоном в правую сторону.

Керамика из других исследованных поселений пьяноборской культуры дает в общем совершенно аналогичную картину. На всем протяжении своего развития пьяноборская керамика бытует без существенных изменений. Дальнейшее исследование памятников из различных районов области распространения пьяноборской культуры позволит, возможно, наметить некоторые территориальные (племенные) различия в орнаментации, преобладание в том или ином районе каких-либо одних элементов. Некоторый материал в этом направлении уже имеется. Например, керамика с Икских поселений орнаментирована преимущественно ямками треугольной формы, с бельских — круглой.

3.

Сосредоточение населения по р. Каме в районе устья р. Белой в пьяноборскую эпоху было обусловлено особыми, исключительно благоприятными природными условиями этого района.

¹) К сожалению, этот неверный тезис вошел даже в учебную литературу (см. А. В. Арциховский. Основы археологии, 1955, стр. 127).

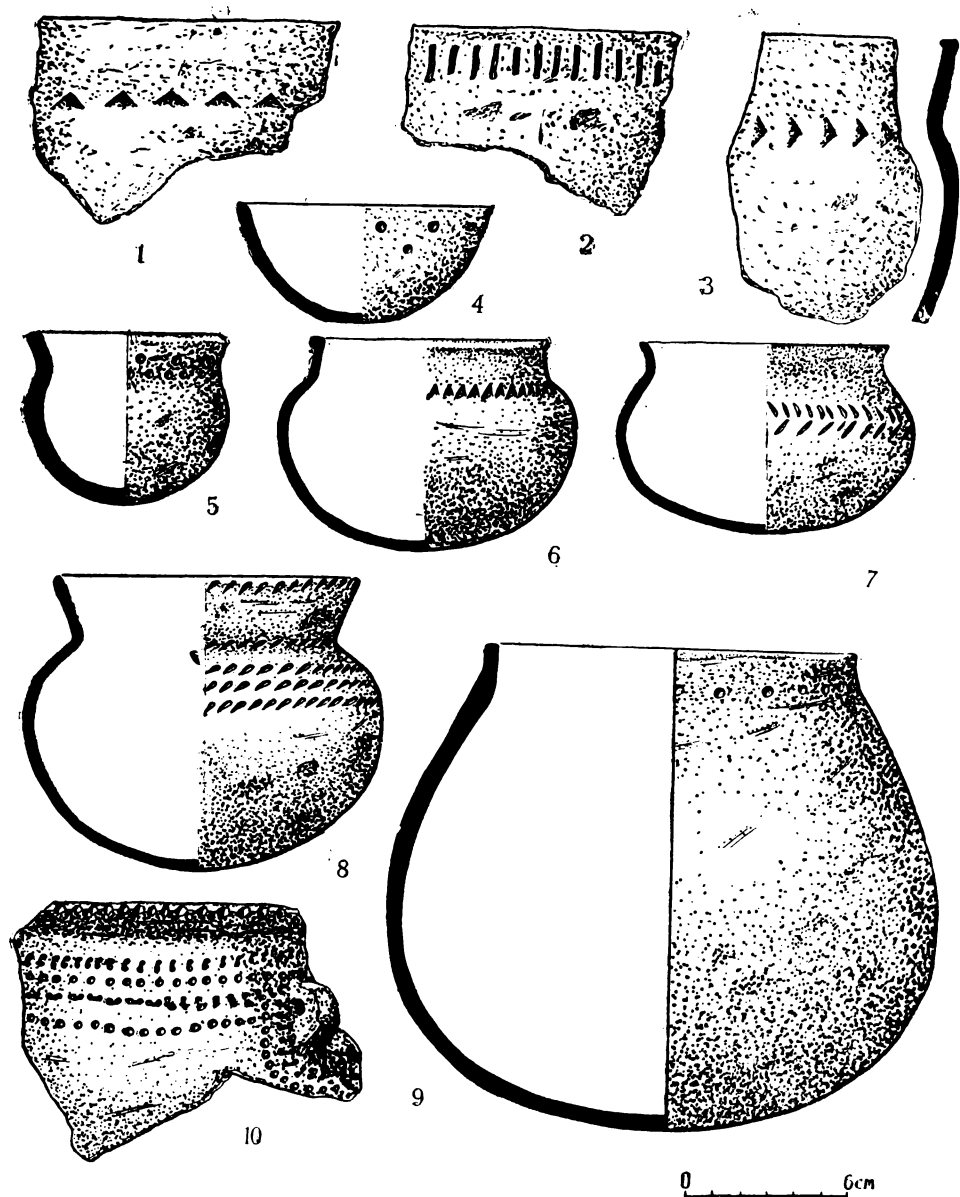

Рис. 10. Керамика пьяноборского типа из городища Чеганда 1.

Пьяноборские племена занимали обширную Камско-Бельско-Икскую пойму с ее исключительно богатой растительностью. Большая часть поймы заливалась весенним паводком, поэтому огромное значение име-

до наличие вокруг поймы обширных пространств надпойменных террас, покрытых в низовьях р. Белой черноземами. Именно это сочетание большой поймы, широкой незаливной долины и высокого коренного берега с крутыми склонами, удобного для устройства укрепленных поселений, и привлекало древнее население к Камско-Бельской пойме.

Новые материалы, полученные с поселений, впервые дают возможность более или менее обоснованно поставить вопрос о хозяйстве пьяноборских племен.

Ведущими отраслями хозяйства племен пьяноборской культуры являлись скотоводство и земледелие.

Богатейшая Камско-Икская пойма представляла собой прекрасную кормовую базу для разведения домашних животных: крупного рогатого скота лошадей, овец, коз, свиней. Богатая травами пойма облегчала заготовку корма на зимний период, что было весьма существенно при длительной 5—6 месячной зиме и отсутствии такого орудия, как коса. Кроме того, под ранний выпас скота использовались рано освобождающиеся от снегового покрова южные склоны холмов, которыми область расселения пьяноборских племен весьма богата. В период весеннего половодья, когда пойма заливалась, выпас скота производился на плодородных надлуговых террасах. Однако последние были освоены в основном под пашни, особенно в низовьях р. Белой, где они покрыты черноземами. Трудности обеспечения скота кормами в зимнее время весьма ограничивало возможности расширения скотоводства, которое у пьяноборских племен фактически не выходило из рамки содержания домашних животных, то есть лишь необходимого минимума.

Земледелие в пьяноборскую эпоху продолжало оставаться мотыжным. Основным орудием обработки земли служила небольшая железная мотыга, удобная не только для взрыхления почвы, но и для борьбы с корнями кустарников (рис. 11 — 5). На основании находок зерен в одновременном и соседнем с пьяноборскими поселениями Осинском городище (Генинг, 1959 в) можно предполагать, что местные племена высеивали, главным образом, полбу (пшеница двузернянка), зерна которой составляют до 72,5% всех находок, затем ячмень—27,5%. В находках единично встречены зерна мягкой пшеницы и овса. Последний был, вероятно, лишь засорителем полбы (определения А. И. Кирьянова). Орудиями размола зерна служили небольшие прямоугольные плиты-зернотерки и плиты-куранты (Генинг, 1958, рис. 3—1).

Охота и рыбная ловля занимают второстепенное место в хозяйстве. Орудиями охоты служили, главным образом, лук и стрелы. Наконечники стрел пьяноборского типа очень невелики по размерам (рис. 11 — 4). Это заставляет думать, что охота была направлена, главным образом, на добывание шкур ценного меха для обмена с южными племенами и странами, где мех высоко ценился. В пьяноборских памятниках найдено уже немало вещей южного происхождения.

Пьяноборское население хорошо владело техникой добычи и обработки металлов — железа и меди. На городище Чеганда I открыты примитивные горны для добычи железа. Это двухкамерные ямы с печью

и предтопочным пространством (рис. 12). Рабочий объем печи не превышал 0,15—0,4 куб. м. Печь имела деревянную раму с глиняной обмазкой. Обработка криц, вес которых не превышал 2 кг., производилась путем нагрева в кострах и проковки каменными молотками на каменных наковальнях. Но добыча железа оставалась еще весьма трудоемким процессом, и железные вещи высоко ценились. Находки их крайне редки. На городище Чеганда I собрано, например, всего 15 железных предметов. Немногочисленные железные вещи и в погребальных комплексах.

Медь служила исключительно для изготовления всевозможных украшений. Следов добычи меди пока не обнаружено. На основании химического анализа ряда вещей, выявившего примеси алюминия, можно полагать, что при плавке в шихту добавлялся криолит, что является характерным для металлургии финно-угорских племен (Каштанов и Смирнов, 1958) и в какой-то мере может свидетельствовать о местной.

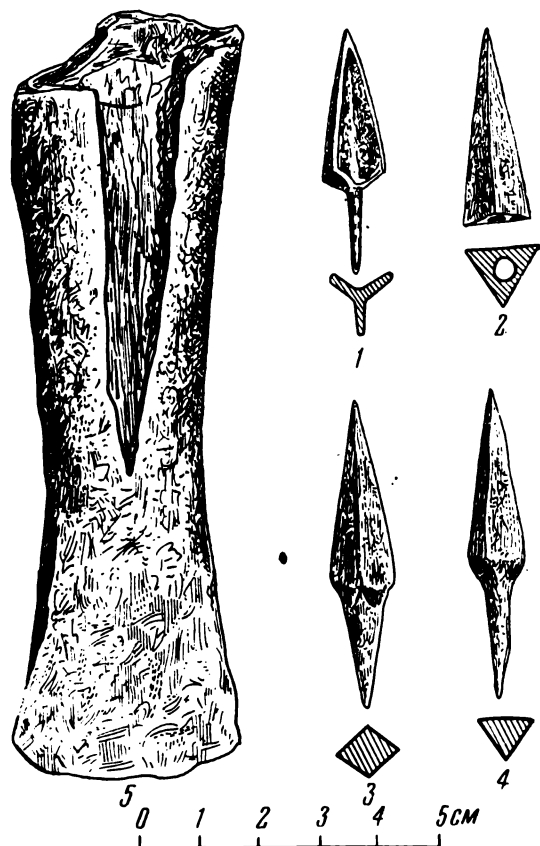

Рис. 11. Городище Чеганда I. Мотыга и наконечники стрел.
1, 5—железо, 2—4—кость.

добыче меди. Кроме того, трудно представить себе столь широкое распространение медных изделий, как мы имеем в пьяноборской культуре, без своей сырьевой базы.

В обработку медных вещей пьяноборские мастера внесли много усовершенствований. Широкое распространение получило паяние — технический прием, освоенный именно в эту эпоху. Пайка применялась для скрепления отдельных деталей украшений, изготовленных различными приемами. Так, одна из ажурных блях из могильника Чеганда II спаяна почти из 80 мелких колечек (диаметром в 5—6 мм). В центре бляхи находится вырезанная из пластинки розетка. Ажурные нашивные бляшки также изготавливались из вырезанных пластин и спирально свернутой проволоки (рис. 7 — 30—32, 48—49). Литье производилось в глиняных литейных формах, находки которых известны в могильнике Чеганда II и Муновском могильнике (Генинг, 1958, рис. 24 — 7, 8). Большинство узоров, которыми украшались вещи, наносились на форму, а после отливки производилась лишь очистка их. Но иногда встречается дополнительная гравировка изделий. Пьяноборские отливки

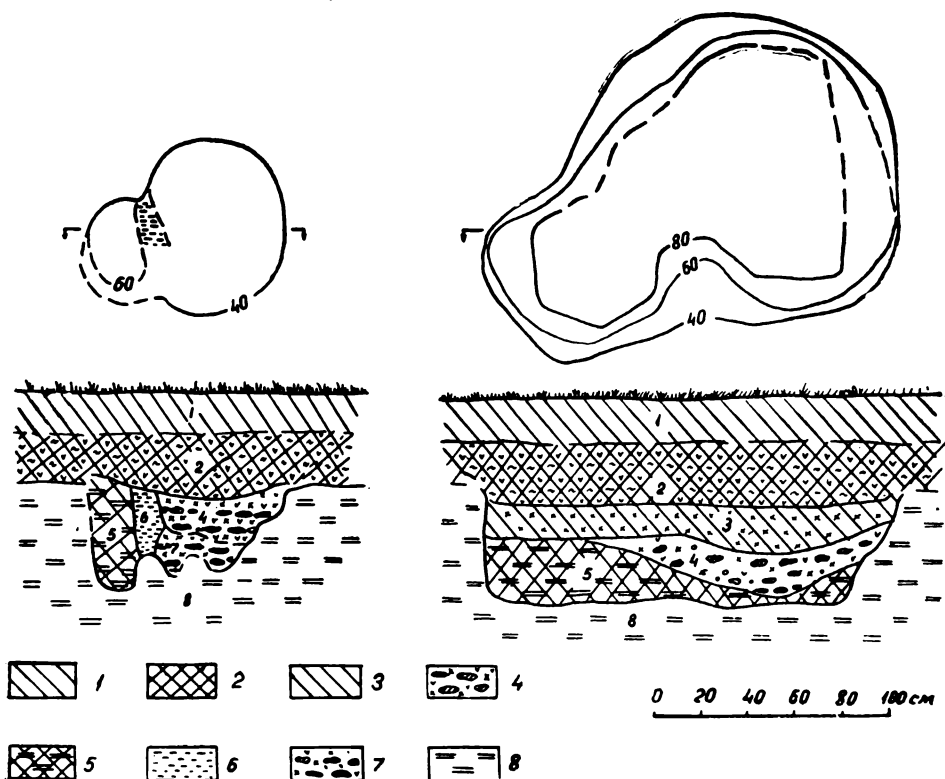

Рис. 12. Городище Чеганда I. Ямы 61 и 65 для добычи железа.
1—дерново-пахотный слой; 2—зольно-пепельный культурный слой; 3—землистый слой с углем; 4—слой со шлаком, углем и золой; 5—землисто-глинистый слой, 6—глина; 7—слой с крицами, шлаком, углем и золой; 8—подстилающая глина.

значительно тоньше ананьинских. При изготовлении эполетообразных застёжек и некоторых других вещей применялась отливка на железных стержнях-каркасах, придававших вещам особую прочность. Очень часто практиковалось покрытие изделий полудой.

Овладение новыми техническими приемами обеспечило пьяноборским мастерам массовость изготовления украшений и в значительной мере их стандартность.

Прикамское общество в начале эпохи железа (ананьинская культура) вступило уже на стадию патриархата. Однако в нем довольно сильны были еще традиции матриархата. Реальной базой живучести их и высокого, почетного положения женщин являлось своеобразное для лесного севера развитие отдельных форм хозяйства. Классические примеры перехода от матриархата к патриархату дают общества с развивающимся скотоводческим хозяйством. Но положение о роли скотоводства, как решающего фактора в переходе от матриархата к патриархату, может быть признано правильным лишь в тех областях, где скотоводство выступило как пастушеское или кочевое, когда разведение скота «требовало только надзора и самого примитивного ухода, чтобы размножаться все в большем и большем количестве и доставлять обильнейшую молочную и мясную пищу» (Ф. Энгельс, 1951, стр. 54). Прикамье, лежащее в зоне лесов с продолжительной зимой, не могло служить базой для подобных форм скотоводства. Разведение скота являлось здесь весьма трудоемким занятием, поскольку требовало заготовки большого количества кормов на зимний период, а это мог осуществить лишь весь коллектив. Естественно, что и владельцами скота не являлись лишь мужчины, а весь коллектив в целом. Скотоводство на данном этапе развития выступило только в форме содержания домашних животных.

Развитие скотоводства в подобной форме не создавало того экономического преимущества мужчин, которое так наглядно выступает в обществе с развитым скотоводческим хозяйством, где «приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения» (Ф. Энгельс, 1951, стр. 53). Эти новые отношения, как известно, заключались, в первую очередь, в ниспровержении материнского права, смене матриархата патриархатом, когда муж «захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу» (Ф. Энгельс, 1951, стр. 57).

В условиях прикамского общества, где разведение домашних животных не являлось источником «неслыханного богатства», а было занятием, требовавшим ухода не только мужчин, а всего коллектива, изменение общественных отношений, естественно, должно было проходить гораздо более замедленными темпами и с сохранением многих традиций старого общества с материнским правом.

В руках женщин, кроме того, длительное время оставалось мотыжное земледелие, бывшее при комплексном хозяйстве одной из ведущих отраслей.

Труд женщин находил свое применение также в охоте и рыбной ловле. В некоторых женских погребениях встречаются наконечники стрел.

Не исключено, как об этом свидетельствует ряд фактов из памятников послепьяноборского времени, что металлургия меди, связанная главным образом, с производством украшений, находилась в руках женщин. К концу пьяноборской эпохи происходит выделение мастера-литейщика, специализация его на производстве исключительно одних украшений. В связи с этим вопросом большой интерес представляют пьяноборские клады. За исключением Ахтиальского, все остальные (Исенбаевский, Мадыкский, Каменный Ключ, Коростинский, I и II Чегандинские, Каракулинский и Трошковский) содержат огромное количество однородных украшений (Генинг, 1958). В Трошковском кладе, например, 641 сохранившийся предмет составляет всего 18 типов вещей; во II Чегандинском кладе было 185 предметов пяти типов. Мадыкский клад содержит до 30 фунтов различных поделок (Древности, 1933, стр. 30). В составе кладов чаще всего находили лапчатые подвески, спаренные полупронизки, «сапожки» и бляшки с несколькими петлями сзади (рис. 7 — 93, 101—105). Сочетание указанных типов вещей встречается только на стадии «Г» могильника Чеганда II, поэтому клады и должны быть отнесены к позднему периоду пьяноборской культуры. Такое большое количество однотипных вещей могло находиться лишь в руках изготовлявшего их мастера, что подтверждается также вещами Каракулинского клада, где большинство изделий, отлитых в литейной форме, не подвергнуто еще дополнительной обработке и даже очистке. Эти материалы говорят за то, что мастер-литейщик стал работать на широкий круг потребителей, выходивших, вероятно, за пределы своей родовой общины. И если согласиться с тем, что данная отрасль находилась в руках женщин, то это, безусловно, обеспечивало ей и почетное положение в обществе.

Разделение труда в пьяноборском обществе не было столь четко дифференцировано между полами: труд женщин имел в хозяйстве столь же значительный вес, как и труд мужчин, что и обеспечивало им почетное положение, поскольку кроме всего прочего они были и хозяйками домашнего очага.

Родовая община пьяноборского времени была сравнительно невелика. Могильник Чеганда II, исследованный полностью, дал 220 погребений, но количество их в древности было значительно большим. Вся северо-восточная сторона площадки могильника разрушена рекой, уничтожившей не менее 100—150 погребений (см. план рис. 4). Кроме того, обращает на себя внимание полное отсутствие младенческих захоронений в возрасте до 4—5 лет¹, что наталкивает на мысль об особом обряде захоронений младенцев вне общего могильника. Последнее связано с какими-то особыми представлениями о душе младенца. Известно, что детская смертность в древности была довольно высокой (со-

¹) Отнести это за счет несохранившихся костяков нельзя. Были случаи, когда вскрывались погребения женщин с остатками костей ребенка в утробном развитии

«ставляя до 50% общего количества умерших). Эти обстоятельства следует иметь в виду при определении величины того коллектива, который использовал древний могильник как место захоронения. Считая, что погребения накапливались на протяжении пяти столетий пьяноборской культуры, численный состав этого коллектива можно определить в 45—50 человек одновременно¹. Едва ли есть сомнения в том, что могильник Чеганда II, как и остальные могильники данного периода, являлся родовым кладбищем. Таким образом, пьяноборский род по результатам исследования могильника Чеганда II был сравнительно небольшим.

На пьяноборских могильниках нет никаких признаков обособления могил отдельных семей на родовом кладбище. В могильниках последующих эпох всегда выделяются ряды или группы погребений, которые могут рассматриваться как погребения обособившихся патриархальных

Рис. 13. Реконструкция поселка на городище Чеганда I.

семей. Пьяноборские жилища площадью в 40—60 кв. м. вмещали не более 15—20 человек. Это было менее одного рода, но более одной малой семьи (супруги с потомством).

По всей вероятности, в таком жилище обитала одна большая патриархальная семья. Сохранение монолитности погребений на могильнике, наличие многих поселений с 2—3 жилищами и отсутствие около каждого жилища хозяйственных построек, что вскрывается в послепьяноборских поселениях (Генинг, 1959, рис. 13), свидетельствуют, что род продолжал оставаться еще основной хозяйственной единицей общества.

¹) Систему подобных расчетов см. в работе М. П. Грязнова «История древних племен Верхней Оби», МИА 48, 1956, стр. 23, 73.

Патриархальная семья, жившая в отдельном помещении, экономически еще не обособилась и трудилась в составе родового хозяйства.

На больших городищах, которые служили местом постоянного поселения, количество жилищ намного больше, чем это требовалось для обитания одного рода (рис. 13). Имеются также и селища значительной площади, но они не многочисленны. Гораздо больше для пьяноборского времени характерны небольшие селища, где обитал один род. Совместное поселение многих родов на одном поселке имело большое значение в ликвидации родовой замкнутости.

Двойственный характер расселения пьяноборского населения объясняется тем, что это был период перехода от родовых поселков ананьинской эпохи к поселениям типа первобытной территориальной общины послепьяноборского времени.

Для характеристики имущественного расселения внутри родовой общины обычно используется могильный инвентарь. В пьяноборских погребениях орудия труда, как правило, отсутствуют, а оружие встречается крайне редко. Поэтому для анализа приходится использовать в большинстве украшения костюма.

В могильнике Чеганда II из 220 погребений (225 костяков) в 79 (или 35% погребений) не обнаружено никаких вещей. Довольно значительную группу составляют могилы почти без вещей. Например, в погребении 169 было всего две медные накладки, в погребении 172 — височная подвеска, один обломанный и два целых наконечника стрел. В обычных рядовых могилах также вещей немного. В погребении 92 найдены медная накладка, три височные подвески, медная литая пряжка, 2 крупные бусы. В погребении 73 находилось 8 височных подвесок, медное колечко, 10 медных накладок и много бус от ожерелья.

Около 20—25% погребений выделяется обилием вещей. Примером таких может служить женское погребение 189, содержащее: 10 височных подвесок, 2 нагрудных бляхи, медный браслет, пять бляшек-накладок, эполетообразную поясную застежку и нож в ножнах с медным наконечником. Из мужских погребений к этой группе можно отнести всего четыре, в которых находились железные мечи. В погребении 26, кроме железного меча с медным навершием и ножнами с медными накладками, найдены железный нож в деревянных ножнах с двумя накладками, кинжал в ножнах с железным наконечником, костяная застежка, медная пряжка и шесть наконечников стрел.

Особенно роскошным костюмом выделяется женское погребение 15. В этой могиле найдены: 12 медных накладок от налобной повязки, около 20 таких же накладок, нашитых на рукавах у локтя, 3 крупные нагрудные бляхи из белого сплава с верхнего платья, медная нагрудная застежка, крупная эполетообразная поясная застежка, 2 обувные бляхи, 12 пронизок и 2 застежки с неподвижным крючком. Кроме того, сверху на гроб была положена нитка из 76 крупных медных бус.

Большинство погребений без вещей или с весьма незначительным их количеством сосредоточено в южной половине площадки могильника, в то время как в северной хронологически соответствующие участки

содержат более богатые или средние погребения. Очевидно, наряду с тем, что часть членов рода накапливает в своих руках известные ценности, появляется стремление обособить их погребения на могильнике от остальной массы бедных сородичей.

Материалы могильника Чеганда II позволяют также привести данные о дальнейшем развитии патриархального рабства, существовавшего уже в ананьинскую эпоху (Збруева, 1952, стр. 156—158). В южной части могильника, где были сосредоточены бедные погребения, обнаружено шесть костяков, лежавших скорченно на боку. Только в одном из этих погребений было несколько височных подвесок. Отсутствие в большинстве из них вещей, а также захоронение по обряду, чуждому пьяноборскому, говорит о том, что здесь захоронены какие-то иноплеменники. Наиболее вероятно, что эту группу следует относить к категории патриархальных рабов. Однако рабство в пьяноборском обществе не являлось системой в производстве и имело патриархальный характер.

Рядовой общине пьяноборского общества были присущи многие внутренние противоречия, поскольку она являлась заключительным звеном в развитии рода как основной хозяйственной ячейки общества. В послепьяноборское время такой ячейкой становится патриархальная семья.

Детальное обследование территории распространения памятников пьяноборской культуры и соседних районов позволило довольно точно наметить границы этой территории и, основываясь на количестве известных памятников, хотя бы ориентировочно определить численность населения этой культуры. В общей сложности население пьяноборской культуры включало около ста родовых общин. По этнографическим параллелям такое количество не могло составлять одно племя. Скорее всего, пьяноборская культура принадлежала племенному союзу. К этому же выводу мы приходим, проследив, как сложилась пьяноборская культура. Широкая культурная область ананьинского времени разделяется на несколько локальных вариантов по характеру орнаментации керамики (Збруева, 1952, стр. 73). Нижнекамский вариант ананьинской культуры занимает территорию нижнего течения р. Камы и низовья р. Белой (рис. 14). Для этого района характерен ямочно-шнуровой орнамент керамики. Раскопками на городище Каменный лог у с. Чеганда удалось получить хорошую стратиграфическую шкалу развития ананьинской керамики (Генинг, Стоянов, 1961, рис. 7). Используя ее, все ананьинские памятники нижнекамской группы по времени их существования можно разделить на три периода. В ранний и средний периоды большинство ананьинского населения обитало в небольших районах, где группируется 4—5 городищ и селищ, с равномерными интервалами между этими группами. На территории нижнекамского варианта ананьинской культуры выделяется пять таких групп: Рыбно-Слободская, Усть-Вятская, Елабужская, Сарапульская, Нижнебельская (рис. 14). Если правильно мнение, что на городище или селище обитал один род (Збруева, 1952, стр. 147), то каждая группа памятников принадлежит

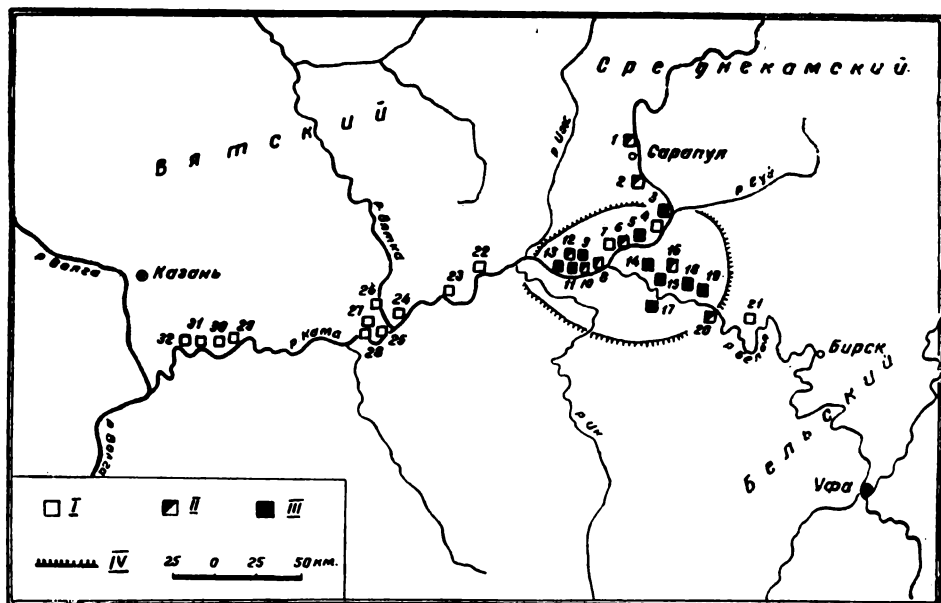

Рис. 14. Карта размещения городищ ниже-камского варианта ананьинской культуры.

- I—городища раннего и среднего этапа ананьинской культуры
 II—городища, возникшие в конце среднего этапа ананьинской культуры.
 III—городища, возникшие в конце ананьинской культуры
 IV—границы территории пьяноборской культуры.

Г О Р О Д И Щ А:

1. Усть-Нечкинское. 2. Юшковское. 3. Галановское. 4. Верхне-Мошкарское. 5. Обуховское. 6. Юньгинское. 7. Каменный Лог. 8. Ныргында II. 9. Ныргында I. 10. Ныргында IV. 11. Зуево-Ключевское. 12. Верхне-Малиновское. 13. Больше-Малиновское. 14. Ново-Кабановское. 15. Тавтакталачук. 16. Тра-Тау. 17. Ирмыш. 18. Комры-Куль. 19. Кыз-Кала-Тау. 20. Аначевское. 21. Майдык II. 22. Тихогорское. 23. Елабужское. 24. Свиногорское. 25. Грохань. 26. Мамадышское. 27. Красный Исток. 28. Секинское. 29. Троицко-Урайское. 30. Сорочьи Горы. 31. Гремячий Ключ. 32. Кирюшкин Городок.

вероятно, какому-то родоплеменному объединению

В конце среднеананьинского периода резко увеличивается количество укрепленных городищ в районе Камско-Бельской поймы. К концу ананьинской культуры их насчитывается здесь уже 22. В то же время исчезают поселения на ананьинских городищах за пределами этого района, что хорошо прослеживается по отсутствию на них керамики, характерной для верхнего горизонта Каменного лога и других соседних с ним городищ. Это заставляет предполагать, что население района нижекамского варианта ананьинской культуры сконцентрировалось на небольшой территории в Камско-Бельской пойме.

Исключительно высокая плотность населения (не менее 1 чел на 1 кв. км.) свидетельствует о тесном сплочении населения и объединении его в такую организацию, которая обеспечивала постоянные мирные отношения между отдельными родовыми общинами. Такой организацией мог быть постоянный союз этих племен.

Процесс тесной консолидации отдельных родоплеменных групп был, вероятно, весьма сложным, связанным с изменением различных сторон жизни древнего населения. Попробуем наметить главные факторы, которые вызвали к жизни эту организацию.

Освоение техники добычи и обработки железа в ананьинскую эпоху проходило еще крайне медленно. Не случайно, что многие орудия труда и оружие продолжали изготавливаться из бронзы, производство которой было достаточно хорошо освоено в предшествующую эпоху. Обособление небольших родо-племенных групп на этом этапе не препятствовало дальнейшему развитию производительных сил. Но картина меняется с постепенным внедрением и распространением железа. Улучшение техники добычи и обработки железа, отрасли еще новой и мало освоенной, требовало, безусловно, объединения опыта более крупных коллективов, что невозможно было без ликвидации родовой замкнутости и обособленности небольших родоплеменных объединений, вероятно, племен.

Многочисленные военные столкновения, процветавшие в ананьинскую эпоху, отвлекали взрослое, особенно мужское, население от производительного труда и разрушали производительные силы. Примирение отдельных племен и объединение их в единый союз ликвидировало это препятствие на пути дальнейшего развития.

Военные набеги и грабежи обогащали родовую аристократию, и она противопоставляла награбленную частную собственность коллективной собственности рядовых членов рода, для которых родовая собственность была основой равноправного положения. Уничтожение «культы меча» было своеобразной реакцией рядовых членов рода, направленной на защиту родового строя, давшего весьма ощутимую трещину в ананьинское время.

Необходимость обороны от внешних нападений также вела к тесному сплочению ближайших родственных групп населения. Создание постоянной организации—союза племен—противопоставляло таким нападениям извне более мощную силу.

Создание постоянного племенного союза обеспечило бурный рост производительных сил, быструю нивелировку культуры определенных групп населения и распространение, вероятно, одного диалекта в языке.

В определенную систему приводится размещение городищ-крепостей для защиты всей пьяноборской территории. Появляется общеплеменной центр, которым в пьяноборском союзе племен было, скорее всего, городище Чеганда I, судя по выгодному положению его в центре пьяноборской территории, наиболее крупным размерам площадки и мощности системы укреплений. Унифицируются культы, общераспространенной становится мода костюма и украшений, что достаточно хорошо вскрывается по материалам могильников.

В общем, процесс сложения постоянных союзов племен был первым шагом на пути сложения отдельных народностей Прикамья.

В понимании пьяноборской культуры среди археологов нет единого мнения (Смирнов, 1957). В последние годы вновь поднят вопрос о том, следует ли всю территорию Прикамья объединить в единую пьяноборскую культуру или же целесообразно в Верхнем Прикамье выделить самостоятельную гляденовскую культуру, как это предлагал в свое время А. В. Шмидт. В настоящее время, после больших полевых исследований, проведенных в Прикамье, решение проблемы культуры послеананьинского времени находится прежде всего в зависимости от того, какое понятие будет вкладываться в термин «археологическая культура». Как справедливо замечает А. Я. Брюсов: «В этом отношении следует отметить существование в археологической литературе двух тенденций: с одной стороны, придание этому термину широкого объема в смысле культуры и быта населения значительной области..., с другой стороны, придание этому термину более узкого объема в смысле археологического своеобразия памятников, локально ограниченных от других подобных групп» (1956, стр. 15). Далее А. Я. Брюсов подчеркивает, что во многих районах выделение локальных культур не проведено еще из-за слабой изученности и недостаточной полноты наших представлений об отдельных группах памятников.

Отнесение всех памятников послеананьинского времени в Прикамье к одной пьяноборской культуре было произведено в то время, когда имелись лишь отрывочные материалы, полученные при небольших раскопках, а в большинстве—из случайных сборов. Выделение обширной пьяноборской культуры отражало своеобразие культуры всего населения Прикамья, как большой географической области в определенную эпоху, в отличие от столь же больших общностей соседних областей.

Своеобразие культуры прикамского населения этого периода, без сомнения генетически связанной с предшествовавшей, ананьинской культурой, нельзя отрицать и сегодня. Подобные культурные общности, к которым можно отнести термин «археологическая культура», понимаемый в самом широком смысле, включают памятники населения, связанного общими корнями происхождения, близостью или родством языка, одинаковыми или близкими условиями быта и хозяйства, сходными географическими условиями и т. д. В этом отношении прикамская культурная общность не только в рассматриваемую эпоху, но и в другие периоды отличается от подобных же общностей в соседних областях (городецкой, дьяковской, скифской, сарматской и т. д.).

В первую половину раннего железного века (VII—III вв. до н. э.) можно наблюдать повсеместно формирование таких обширных культурных общностей (Генинг, 1961, стр. 37), внутри которых не удастся достаточно четко выделить своеобразные черты в культуре отдельных групп населения. Объясняется это тем, что данный период является временем существования многих мелких родо-племенных объединений, которые, с одной стороны, жили каждое совершенно независимо, са-

мостоятельно, но с другой—не могли существовать оторванно друг от друга и находились в постоянном общении.

Постоянный контакт и привел к известной унификации основных черт материальной и духовной культуры на обширных пространствах, занятых родственными по происхождению племенами с близким, вероятно, языком. Выше мы показали это на примере расселения отдельных групп ананьинского населения в Нижнем Прикамье.

Однако в дальнейшем эти крупные этнические общности, в силу определенных закономерностей социально-экономического развития, начинают дифференцироваться в отдельные более мелкие объединения—союзы племен, внутренняя связь которых намного прочней существовавших ранее общностей. В какой-то мере общность культуры между вновь возникшими объединениями сохраняется, но гораздо более сильными становятся тенденции, определяющие самостоятельное развитие культуры внутри таких объединений. И здесь своеобразное развитие получают, в первую очередь, те стороны культуры, которые отражают этническую принадлежность данной группы населения, постоянно и тесно связанного между собой внутри такого объединения.

Выделение таких своеобразных групп в отдельные локальные археологические культуры удается провести лишь после массовых детальных и всесторонних исследований памятников этих групп и сопоставлений их между собой.

В понятие одной археологической культуры мною объединяются археологические памятники на определенной территории, которые отражают историю этнически единой группы населения, постоянно связанного между собой в хозяйственных, родственных и военных отношениях на определенном этапе общественно-экономического развития. Первая часть этого определения решает вопрос о территории распространения той или иной культуры, вторая—о периоде ее существования.

Территория распространения одной археологической культуры определяется наличием постоянного этноса. На археологическом материале эта общность территорий—этноса проявляется в полном сходстве:

- а) керамики, особенно ее орнаментации;
- б) специфического набора женских украшений;
- в) обряда погребения;
- г) типа жилищ и устройства поселка;
- д) хозяйственного уклада;
- е) культовых вещей (единство идеологии).

Для пьяноборской культуры, как культуры памятников в районе Камско-Бельской поймы, характерны:

1. Круглодонные чаши с ямочным (круглой, треугольной и овальной формы) орнаментом.
2. Из женских украшений: массивные эполетообразные застежки, височные подвески в виде знака вопроса с конической трубицей, литой или свернутой из листка, выпуклые нагрудные бляхи различных вариаций, застежки с неподвижным крючком в виде бляшки и дужки и в виде усложненного орнаментом кольца или пластины. В целом искуст-

ство оформления бронзовых украшений имеет ярко выраженный геометрический стиль.

3. Неглубокие грунтовые захоронения с положением погребенного вытянуто на спине. Сопровождающие вещи (орудия труда, оружие) редки. Украшения находятся в погребениях в том положении, как они носились при жизни.

4. Жилище в виде наземного сруба с открытым овальным глинобитным очагом, обставленным камнями.

5. Трудно сравнивать хозяйства каждого поселка, ибо мало еще материалов, но такое орудие, как костяные наконечники стрел, имеет в пьяноборской культуре весьма типичную форму в виде трехгранной пирамиды со втулкой.

6. Находки глиняных женских статуэток свидетельствуют о распространении культа матери-прародительницы.

В послеананьинское время на территории Прикамья совершенно четко обнаруживаются три территориально обособленные группы памятников: пьяноборская—у устья р. Белой, осинская, вверх по Каме в бассейне р. Тулвы (Генинг, 1959в) и гляденовская в районе г. Перми (Генинг, 1959; Генинг и Оборин, 1961а).

Несколько различаются эти районы по количеству памятников. В осинском и гляденовском, например, их намного меньше, чем в пьяноборском. Территории, занятые памятниками каждой группы, не велики, в радиусе не более 30—60 км., и между ними лежат большие незаселенные пространства. От пьяноборского до осинского района вдоль Камы более 300 км., по прямой—около 180, от осинского до гляденовского соответственно 150 и 90 км. Памятники каждого из перечисленных районов, согласно понятия археологической культуры, принятого нами, выделяются в самостоятельную археологическую культуру.

Попытаемся наметить основные различия между этими культурами по тем же признакам, которые определяют выделение одной культуры.

Керамика всех трех районов имеет некоторое общее сходство. Это примесь толченых раковин в тесте, круглодонность в форме. Вопрос о различии керамики в культурах Прикамья послеананьинского времени уже разбирался подробно в одной из публикаций (Генинг, 1959в, стр. 192), поэтому на нем остановимся весьма кратко. Уже анализ конкретных форм сосудов выявляет много различий. Например, форма сосудов в виде открытых блюдцеобразных чаш без шеек встречается в пьяноборских комплектах единично, а в осинском составляет до 24% всех сосудов.

Еще более существенно различается орнаментация сосудов. Как известно, пьяноборская керамика орнаментирована исключительно ямочными вдавлениями, а в гляденовской этот элемент в чистом виде составляет всего 10—12% и более 5% в сочетаниях с резными и шнуровыми отпечатками. В гляденовской керамике абсолютное преобладание имеет резной орнамент, составляющий до 70% всех узоров. Изредка встречаются шнуровые и гребенчатые отпечатки.

Ничего этого, как известно, нет в орнаментации пьяноборской керамики. Венчики большинства гляденовских сосудов уплощены и на них сверху нанесен орнамент в виде резных, реже ямочных узоров (до 45% всех сосудов). Совершенно не встречаются в этой керамике орнаментации венчика по наружному краю, что, в свою очередь, является исключительным приемом в оформлении пьяноборской посуды.

Керамика Осинского городища, в свою очередь, отличается и от гляденовской и от пьяноборской. Здесь в орнаментации, которая крайне редка, преобладают отпечатки гребенчатого штампа, составляющие половину всех узоров. Около 38% в этой керамике приходится на резные элементы, почти исключительно елочного узора и лишь единично встречаются ямочный и шнуровой орнаменты.

Если характеризовать прикамские культуры послеананьинского времени по керамике, то пьяноборская культура будет областью распространения керамики с ямочной орнаментацией, осинская — областью керамики с гребенчато-резной орнаментацией и гляденовская — областью керамики с резной орнаментацией. Причем интересно, что гляденовская орнаментация сосудов гораздо богаче и сложнее, чем две другие. В этом следует видеть влияние зауральских культур, где сложная орнаментация сосудов широко распространена и доживает до самого позднего времени.

Украшения костюма можно сравнить пока только из двух районов — гляденовского и пьяноборского. В осинском исследованы лишь поселения, где не найдены такие вещи. При использовании материала Гляденовского костыща важно отделить из массы материала вещи, типичные только для данного памятника или района, или вещи, имеющие здесь массовое распространение, в отличие от единичных, которые могут свидетельствовать скорее всего об общении данного населения с соседними районами. Это положение касается не только украшений костюма, но и всех остальных категорий вещей.

Среди украшений Гляденовского костыща собрано более 50 экземпляров небольших круглопроволочных колец диаметром до 6 см., нередко с заходящими друг на друга концами (Спицын, 1901а, табл. 8—6, 7). Большинство их сделано из меди (40 экз) и изредка из железа. Вероятнее всего, эти кольца служили височными подвесками. Кольцевые височные подвески, как известно, употреблялись еще в ананьинское время, в пьяноборских комплексах они единичны и бытуют лишь в раннюю пору. Из других украшений этого рода в гляденовском костыще единично встречены колечко с перевитой проволокой (Спицын, 1901а, табл. 8—9), калачевидная серьга (там же, табл. 8—2), золотая сережка с изображением клюва и глаз птицы (там же, табл. 4—7). Интересны подвески или серьги в виде плоской спирали с ушком сверху (там же, табл. 6—18), не имеющие аналогии в других районах. Всего таких подвесок собрано 6—7 экземпляров. Подвесок в виде знака вопроса с разомкнутым кольцом и спиральновитой конической трубицей найдено всего 2 экземпляра (там же табл. 4—8). Но в отличие от пьяноборских (рис. 8, 1—5), где это одна из самых распространенных вещей.

коническая трубица у них короче и шире у основания. Как видим, для гляденовского района характерны височные подвески, не встречающиеся в массе в пьяноборском районе, и наоборот.

На гляденовском костыше собрано большое количество всевозможных блях и бляшек, которые и в пьяноборских могильниках встречаются в массе. Но и здесь, сопоставляя конкретные формы бляшек с их количеством, нетрудно заметить разницу между тем и другим районом. В пьяноборских комплексах наиболее многочисленны бляшки среднего размера с выпуклой или сферической поверхностью и перекаленной для крепления (рис. 9—2, 4). Они встречаются почти в каждом погребении, где имеются какие-нибудь вещи. В гляденовском костыше таких бляшек найдено всего 8 экз. (Спицын, 1901а, табл. 6—9). Но здесь есть довольно оригинальные конические бляшки (там же, табл. 8—17), не встречающиеся в пьяноборских комплексах. Единичны также в материалах костыша малые бляшечки (там же, табл. 9—2), но в огромном количестве собраны плоские бляшки среднего и большого размера. Первых, имеющих диаметр 2—3 см., найдено 180 экз., а вторых, с диаметром 3—4 см. и двумя ушками сзади—170 экземпляров (там же, табл. 5—2, 20). В пьяноборских материалах эти бляшки немногочисленны. Остальные бляшки из гляденовского костыша встречаются единично, и среди них интересны бляшки со спиральным узором (там же, табл. 7—9, 8—15, 20), с изображениями людей, птиц, животных (там же табл. 4—6, 9, 16, 18, 5—3, 5, 6, 8, 24; 6—5) и семилучевые (там же, табл. 5—12; 8—14, 18), которых совершенно нет в пьяноборских памятниках. Таким образом, из круглых бляшек для пьяноборского района характерны больше выпуклые бляшки, а для гляденовского—плоские

На Гляденовском костыше собрано 12 экземпляров блях подковообразной формы с изображением медведя, опустившего голову к передним ногам (Спицын, 1901а, табл. 6—3, 13, 15, 25; 10—9, 29). Все эти бляхи имеют сверху сзади петельки для прикрепления и служили, вероятно, нагрудными украшениями. Кроме того, известны три скульптурные фигурки медведей и одна плоская подвеска с медвежьей фигурой (там же, табл. 6—14; 9—10; 3—6). В пьяноборских комплексах таких вещей нет. Для пьяноборского искусства зооморфный стиль вообще чужд. Совершенно иную форму, отличную от пьяноборской, имеют перстни, некоторые подвески, колокольчики и пронизки (там же, табл. VIII—26, IX—1, 11, 15; X—10, 17; XIII—23; XI—20—11 экз.).

Эполетообразные поясные застёжки составляют специфическую принадлежность пьяноборского женского костюма. В гляденовском районе находки их совершенно не известны.

Различия в наборе украшений костюма между пьяноборским и гляденовским районами гораздо больше, чем это можно было бы ожидать. Ведь основа у той и другой культуры была очень сходная—ананьинская.

Могильники послеананьинского времени, в том виде как мы обычно представляем их себе, обнаружены лишь в пьяноборском районе. Нами было высказано мнение о том, что Гляденовское костыше исполь-

зовалось не только как жертвенное место, но и как могильник с остатками трупосожжений (Генинг, 1959; Генинг и Оборин, 1961). Не вдаваясь в доказательство этого положения, поскольку оно заняло бы здесь слишком много места и увело бы от основной темы, рассмотрим этот памятник с точки зрения идеологии древнего населения. Многочисленнейшие изображения животных, птиц, людей и насекомых, собранные на костнице (Спицын, 1901, а, табл. I—X), свидетельствуют о каком-то совершенно своеобразном культе гляденовского населения. Ничего подобного мы не находим ни в пьяноборском, ни в осинском районах. Здесь вполне уместно также вспомнить, что этот своеобразный гляденовский культ, воплощенный в бронзовых антропо—и зооморфных изображениях, продолжает свое развитие в последующих археологических культурах только на территории Верхнего Прикамья. По-видимому, уже в послеананьинское время намечаются существенные различия ритуальных обрядов населения различных районов Прикамья.

Хозяйственный уклад прикамского населения в послеананьинское время в трех рассматриваемых районах был более или менее близок. Возможно, что у гляденовского населения большее развитие получило земледелие, чем скотоводство (Генинг и Оборин, 1961). Находки орудий труда еще столь незначительны и случайны во всех районах, что сравнение их не даст объективных результатов.

Многочисленны лишь находки костяных наконечников стрел, которые можно сравнить. В пьяноборских памятниках встречаются в большом количестве втульчатые трехгранные наконечники небольшого размера. Остальные формы, в большинстве своем черешковые, представлены единичными экземплярами. В материалах Осинского городища среди костяных наконечников стрел большинство имело длинную ладьевидную форму с трапецевидным сечением. Многочисленны наконечники с ромбическим и шестигранным сечением и единичны трехгранные (Генинг, 1959, стр. 179—180). В гляденовских памятниках¹ наибольшее распространение (более $\frac{2}{3}$ всего количества) имеют длинные наконечники с ромбическим и шестигранным сечением (Спицын, 1901, а, табл. XIV—5, 6, 7, 13, 19), а также трехгранные (до $\frac{1}{4}$ всего количества) (там же, табл. XIV—2, 4, 12). Наконечники стрел с четко выраженным черешком как в осинских, так и в гляденовских комплексах встречаются редко.

И здесь, среди таких вещей, как костяные наконечники стрел у каждой группы населения проявляются свои традиции, отличные от соседних.

Жилища во всех трех районах представляют собой наземные срубы и различаются между собой в отдельных деталях. Главное, что отличает гляденовское жилище от пьяноборского, это наличие вокруг стен канавки и завалинки, хозяйственных ям внутри жилища, квадратная форма деревянной рамы, в которую заключена глинобитная основа очага и подсыпка очага мелким галечником (Генинг, 1959, рис 4—1).

¹) Гляденовское костнице—около 400 наконечников и Федотовское городище—около 80 наконечников.

Жилища Осинского городища по конструкции ближе к пьяноборским. Вокруг стен у них нет ни завалинки, ни канавки, нет хозяйственных ям. Но очаг круглой формы подсыпан галечником, как у гляденовских (Генинг, 1959в, рис. 2).

Гляденовский и осинский районы не знают типов городищ с кольцевыми валами или несколькими рядами валов, которые часто встречаются в пьяноборском.

Дальнейшее изучение памятников послеананьинского времени, несомненно, выявит еще много различий в материальной культуре между пьяноборским, осинским и гляденовским районами. Но уже и сейчас те различия, которые удалось проследить, позволяют видеть в каждом из этих районов развитие самостоятельной археологической культуры.

Рассмотрим теперь другую сторону археологической культуры: начало и завершение ее развития.

На протяжении существования одной археологической культуры, если ее развитие не нарушается вмешательством извне, происходят, как правило, лишь количественные изменения в экономике (накопление новых технических приемов, увеличение производительности труда во всех отраслях хозяйства и т. д.) при сохранении более или менее неизменной структуры общественной организации.

Постепенные изменения в экономике подготавливают развитие новых общественных отношений, победа которых приводит к резкому качественному скачку в развитии материальной культуры и содействует новому расцвету экономики. Отсюда и начинается развитие новой археологической культуры.

Переход от ананьинской культуры к пьяноборской в экономике знаменует:

- а) замену медных и костяных орудий обработки земли железными;
- б) более широкое употребление железа в качестве сырья для изготовления орудий труда и оружия, хотя процесс добычи железа и не был освоен еще настолько, чтобы оно получило всеобъемлющее распространение в хозяйстве;
- в) появление техники комбинированного литья, широкое распространение пайки, замена каменных литейных форм глиняными.

В общественной организации этот переход выразился прежде всего в таких изменениях, как:

- а) объединение родственных племен в единый и постоянный племенной союз;
- б) разделение рода на патриархальные семьи при сохранении, однако, единого родового хозяйства.

Переход от культуры пьяноборского времени к последующим обусловлен следующими изменениями в экономике:

- а) резкое увеличение производства железа и широкое массовое распространение железных изделий;
- б) широкое внедрение объемного литья;
- в) преобладающая роль пастушеского скотоводства над мотыжным земледелием;

г) появление подсечно-огневой формы земледелия.

В общественной организации этот переход повлек за собой:

а) распад рода на хозяйственно обособленные патриархальные семьи;

б) начало хозяйственной специализации внутри патриархальной семьи, выделение мастера-кузнеца, обслуживающего не только свою, но и соседние общины. Выделение групп воинов;

в) дальнейшее и резкое усиление имущественной дифференциации внутри патриархальной семьи.

Если вопрос о переходе от ананьинской культуры к пьяноборской до сих пор не вызывал никаких разногласий в среде исследователей, то значительно сложнее обстоит дело с определением конечной вехи в развитии пьяноборской культуры. К пьяноборской культуре относили группу Волго-Вятских могильников, а некоторые исследователи даже Кошибеевский могильник (Худяков, 1933) и курганные могильники харинского типа (Смирнов, 1952).

Как показывает уже само название этой группы, они расположены в совершенно другом районе. Территория распространения памятников этого типа ограничена междуречьем Волги и Вятки. Лишь могильник Чачлы-Кул (Сюкеевский) находится на правобережье Волги против Камского устья. Обширные исследования, проведенные в последние годы на Азелинском, Суворовском и Мари-Луговском могильниках, дали новый, достаточно большой комплекс материала, позволяющий характеризовать эти памятники гораздо полнее, чем до сих пор. (Генинг, 1958, стр. 83—92, 1959).

Волго-Вятские могильники отличаются от пьяноборских по погребальному обряду, отсутствием устойчивой ориентировки, гораздо большей глубиной могильных ям (до 165 см), наличием весьма своеобразных общих могильных ям для нескольких погребений, рядовым расположением могил. В отличие от пьяноборских, волго-вятские погребения содержат очень много сопровождающих вещей, боевого оружия и орудий труда. (Генинг, 1958, рис. 34, 37; 1959, табл. XI).

Комплекс вещевого материала могильников во многом отличается от пьяноборского. Эполетообразные застёжки дают совершенно другой тип (рис. 7—106), не встречающийся в пьяноборских комплексах. Задняя бляха всегда овальной формы, соединительные шнуры плоские, передний щиток очень широкий. Застёжка целиком отлита из меди, но часто без железного каркаса и гораздо менее массивна, чем пьяноборская. (Генинг, 1959, табл. XII—4). Судя по более совершенной технике изготовления и эволюции форм, можно говорить о более позднем этапе развития данной принадлежности костюма. Подтверждением этому служат также находки нескольких экземпляров, изготовленные из тонких медных пластин, на которых весь узор, присущий застёжкам, вычеканен, а пластина наклеена на толстую берестяную подкладку.

Эполетообразные застёжки здесь также служили застёжками поясного ремня, который роскошно украшался многочисленными медными накладками и спереди двумя-тремя дисками из халцедона по обе сто-

троны застежки. Иногда от пояса свисают до колен с обеих сторон пять-шесть длинных ремешков с нанизанными мелкими обоймочками и птичками на концах. Мужские пояса имеют обычные пряжки и наконечники. Обувь застегивалась при помощи пряжек и ремешков с наконечниками.

Височные подвески проволочные, двусоставные, с небольшим колокольчиком внизу. Стержень подвески обвит тонкой и узкой медной полоской или проволокой. (Генинг, 1959, табл. XII—2, 3). Шейные ожерелья состоят из крупных золоченых бус, нередко нанизанных на медную проволоку с халцедоновыми подвесками. (Генинг, 1958, рис. 35—5)

Нагрудные бляхи изготовлены всегда из меди. Плоские, с игольчатой застежкой, они часто имеют узор из концентрических кругов (рис. 7—123). Часто встречаются кольцевые застежки-сюльганы (рис. 7—109), шумящие, преимущественно лапчатые, подвески, подвески-коньки и много других вещей, которых совершенно нет в пьяноборских материалах. Весьма интересны нагрудники в виде медной пластинки, украшенной фигурками коней, или в виде медной решетки с вставными рядами бус. (Генинг, 1959, табл. XIII).

Керамика, впервые ставшая известной после раскопок Буйского городища, почти не содержит примесей толченых раковин в глиняном тесте, сосуды тонкостенные, красновато-оранжевого цвета. В орнаментации, кроме ямочных вдавлений, появляются шнуровые отпечатки. (Генинг, 1958, рис. 38).

Волго-Вятские могильники относились обычно к третьей стадии пьяноборской культуры и датировались III—V вв. н. э. (Тальгрэн, 1919; Худяков, 1933, стр. 16; Смирнов, 1952, стр. 81—82). Эта датировка не вызывает никаких возражений.

Волго-Вятские памятники мы выделяем в самостоятельную культуру—азелинскую, хронологически следующую за пьяноборской, с которой она генетически связана. Очень многие азелинские украшения имеют в качестве исходных пьяноборские формы (эполетообразные застежки, нагрудные бляхи с игольчатой застежкой). Пьяноборский нагрудник состоял из бус, нашитых на ткань, азелинский также изготовлялся из бус, но они закреплялись в медной решетке. Полное сходство имеет покррой поздне-пьяноборского и азелинского женских костюмов и расположение украшений на них. Особенно наглядно проявляется преемственность в орнаментации керамики. Орнаментальные мотивы в обоих комплексах имеют полностью совпадающие узоры, составленные из ямочных вдавлений.

И все же, несмотря на то, что азелинская культура является дальнейшим развитием пьяноборской, памятники их нельзя объединять в одну, как это делалось до сих пор.

Железные вещи в пьяноборских памятниках встречались еще довольно редко. Совершенно иную картину дают азелинские памятники. В 51 погребении, вскрытом в 1955 г. на Азелинском и Суворовском могильниках, было обнаружено три боевых шлема, четыре меча, три кольчуги, 12 топоров, полный набор кузнечного инструмента, набор масте-

ра-ювелира, ральник, много кинжалов, скобелей, наконечников копий из других вещей, изготовленных из железа, что свидетельствует о широком распространении этого металла.

III век в жизни всех прикамских племен был переломным, когда произошел резкий сдвиг в деле освоения добычи и обработки железа, которое становится действительно массовым сырьем для производства орудий труда и оружия. Вместе с широким распространением железа произошли большие изменения в хозяйстве и общественной жизни местных племен. Небольшие могильники, рядовое или групповое расположение могил, наличие при жилищах хозяйственных построек (усадеб), а также размеры городищ позволяют прийти к выводу, что в III—V вв. родовое хозяйство у большинства прикамских племен распалось. Основной хозяйственной единицей становится большая патриархальная семья. Зарождаются поселения типа первобытной соседской общины.

Крупные общественно-экономические сдвиги в жизни прикамских племен совпали с вторжением в Прикамье новых этнических масс, которые, с одной стороны, способствовали более быстрому переходу к новым формам хозяйства и общественной организации, с другой стороны, послужили причиной переоформления тех этнических образований, которые сложились ранее в Прикамье. Новые этнические группы были в основном угорскими и тюркскими, и продвижение их в Прикамье явилось результатом вытеснения из районов Южного Зауралья и Западной Сибири племенами гуннов, накануне нашествия последних на Европу. (Генинг, 1959, стр. 182 и сл.; 1961).

Вторжение тюркских и угорских племен, также весьма неоднородных по своей культуре, привело в одних районах Прикамья к смешению их с местным населением, в других—к его вытеснению. К последним относятся пьяноборские племена. Именно поэтому мы и находим преемников этой культуры в совершенно другом районе. Исконные пьяноборские территории по Каме у устья р. Белой были заняты племенами с культурой типа Мазунинского могильника. (Генинг, 1958, 1959). Это событие достаточно четко прослежено в стратиграфии культурных напластований городища Чеганды I, где слой с пьяноборским содержанием перекрывается материалом, совершенно чуждым пьяноборскому комплексу. Погребальный обряд и комплекс вещевых материалов мазунинских могильников также во многом отличен от пьяноборского.

Анализ керамики из многих мазунинских поселений показывает, однако, что при формировании населения мазунинской культуры в его состав была включена значительная часть и пьяноборских племен. Здесь в сложении культуры проявляется довольно интересная картина. Местное пьяноборское население, вошедшее в состав нового формирования, сохранило во многом свои традиции при изготовлении керамики, но полностью переняло у пришельцев медные украшения костюма. Объяснить подобное явление не трудно. Основная масса пьяноборского населения ушла на запад, в том числе и мастера-литейщики, что достаточно хорошо выявляется покладам, описанным нами выше. Поэтому украшения костюма стали распространяться те, которые изготавливали

пришлые мастера. А изготовление глиняной посуды было делом каждой женщины и не было сосредоточено в руках мастеров, поэтому в данной отрасли домашнего ремесла и сохраняются местные традиции.

По своему облику мазунинская культура входит в обширную область культур тюркоугорских племен, распространившихся в Прикамье в III в. (ломоватовская, среднекамская, бахмутинская и другие варианты в бассейне р. Белой. См. Генинг, 1961, стр. 39 и сл.). С этими культурами мазунинская связана некоторыми общими чертами погребального обряда (наличие в могиле особо положенного жертвенного комплекса вещей, положение женского пояса рядом с костяком и др.).

Продвижение пьяноборских племен на запад шло, очевидно, двумя путями. Часть из них вышла к р. Вятке по рекам Иж, Вале и Кильмезе. На р. Иж известно Бобье-Учинское городище (Генинг, 1958, стр. 164), в нижнем слое которого залегает поздне-пьяноборская керамика, в верхнем — мазунинская. На р. Вятке в могильниках Атамановы Кости и Воробьевском встречаются единично украшения поздне-пьяноборского типа. (Спицын, 1901, табл. V—6, 10, III—14). Второй путь пролегал вниз по Каме до Волги (могильник Чачлы-Кул, Масловский, Мари-Луговской). Позднепьяноборские вещи были найдены в небольшом количестве в могильнике у с. Ковали и Калкомеры. (Тальгрэн, 1919, табл. II). Но с низовьев Камы пьяноборско-азелинские племена вскоре были вытеснены, настигшими их вновь и также перешедшими Каму, пришлыми племенами именьковской культуры (Генинг, 1959).

Под натиском последних азелинские племена сосредоточились в среднем течении Вятки, где мы можем проследить их памятники до V в. н. э.

Судьба пьяноборско-азелинских племен после V в. н. э. остается пока совершенно неясной. Памятников, преемственных с азелинскими, ни на Вятке, ни в каком-либо другом районе мы не знаем.

Невозможно пока также хотя бы предположительно указать, в этногенезе какого из финно-угорских народов приняли участие пьяноборско-азелинские племена.

В свое время В. А. Обориным было высказано мнение, что пьяноборские племена легли в основу развития удмуртской народности (Оборин, 1956, стр. 106). В какой-то мере автор этой гипотезы не отказался от нее и в настоящее время (Оборин, 1961, стр. 56). На антропологических материалах к этой точке зрения присоединяется и отстаивает ее М. С. Акимова (1961, стр. 124—125).

Однако оба автора совершенно не учитывают некоторые существенные факты в истории Прикамского населения в I тысячелетии н. э., которые полностью снимают их доказательства.

Во-первых, достаточно убедительно доказано по имеющимся археологическим материалам что появление древне-удмуртских племен на р. Чепце относится к III—IV вв. н. э. (Генинг, 1959, стр. 194; Кондратьева, Стоянов, 1962). С этим положением вполне согласны оба упомянутых выше исследователя. Но они также согласны с тем, что азелинская культура III—IV вв. является дальнейшим развитием пьяно-

«борской» (Бадер и Оборин, 1958, стр. 142). Таким образом, азелинская культура, продолжающая развитие пьяноборской, и культура древних удмуртов III—IV вв. являются двумя синхронными культурами на разных территориях, и поскольку в культуре чепецкого населения III—V вв. нет таких черт, которые бы роднили ее с пьяноборской, нельзя считать пьяноборские племена предками удмуртов.

Во-вторых, антропологические материалы, привлекаемые М. С. Акимовой для решения данного вопроса, в том положении, как они поданы исследователем, вообще исключают возможность присоединения к той или иной точке зрения в отношении происхождения древнеудмуртских племен. Как В. А. Обориным, так и мною утверждается, безусловно, прикамское происхождение предков удмуртов. Но В. А. Оборин, считает, что в основе их лежат пьяноборские племена Нижнего Прикамья, я же доказываю, что удмуртские племена развивались на базе осинской культуры Среднего Прикамья. М. С. Акимова, имея в своем распоряжении лишь антропологические материалы из пьяноборских могильников, считает, что данный тип был характерен для всего прикамского населения, то есть и осинского. Да и не только прикамского, но и «марийцев, мордвы, чувашей, а, вероятно, и северных башкир» (Акимова, 1961, стр. 125). Совершенно очевидно, что если для пьяноборской и осинской культур был характерен единый антропологический тип, то невозможно, используя антропологические данные, решить, на базе населения какой из упомянутых выше двух культур сложились в более позднее время древнеудмуртские племена. По всей вероятности, потребуются еще новые антропологические исследования, и пока решающее значение остается за археологическими материалами. А они свидетельствуют против преемственности в развитии пьяноборского и древнеудмуртского населения.

К вопросу о пьяноборской культуре вновь вернулся в одной из последних публикаций А. П. Смирнов (1961, стр. 95—103). Уже будучи знаком с постановкой вопроса о пьяноборской культуре, в том плане, как она изложена в данной статье, причем, по монографической работе¹, указанный автор защищает свою старую точку зрения по вопросам истории нижекамского населения на рубеже нашей эры. А. П. Смирнов, пишет, что «искусственно (разрядка наша—В. Г.) выделив ограниченный, хорошо изученный район реки Белой, автор монографии оставил в стороне бассейн р. Вятки с притоками» (Смирнов, 1961, стр. 95—96). Итак, территория пьяноборской культуры по р. Каме у устья р. Белой, имеющая в поперечнике не более 120 км, на которой расположены 120 археологических памятников, известных в настоящее время, выделена искусственно, а не в результате многолетних работ по обследованию всего течения р. Камы и р. Белой, проводившихся в последние годы не только нами, но и другими исследователями. Памятники III в. до н. э.—II в. н. э. в Прикамье находятся только в описанных трех районах и нигде за их пределами не обнаружены, несмотря на неоднократные поиски.

¹ В. Ф. Генинг. Пьяноборская культура на средней Каме. Диссертация. Архив института археологии АН СССР.

Именно этот факт чрезвычайно высокой степени концентрации памятников в весьма ограниченных районах и отсутствие их на соседних территориях требовал прежде всего объяснения. Можно спорить по вопросу о том, насколько правильно его удалось объяснить, но отрицать или просто пренебрегать им, списывая его за счет «искусственности», нельзя.

Что же касается р. Вятки с притоками, то и здесь разведочные поиски не дали следов памятников III в. до н. э.—II в. н. э. Нет таких памятников и среди старых материалов. А. П. Смирнов считает, что заселенность р. Вятки в пьяноборское время доказывается находками на Пижемском городище бронзовой пластинки—изображения лошади, лежащей в распространенной в сибирском искусстве «позе, с подогнутыми ногами...» и овальной пряжки «с неподвижным гвоздем и с поперечными насечками по окружности» (Смирнов, 1961, стр. 96). С этими находками, по мнению А. П. Смирнова, связывается вторая группа керамики городища, к которой «относятся плоскодонные сосуды с примесью песка... и один плоскодонный сосуд, лепленный без гончарного круга из теста с примесью раковин» (Смирнов, 1961, стр. 96). Что же, собственно, из приведенного должно свидетельствовать о наличии на р. Вятке памятников пьяноборской культуры III в. до н. э.—II в. н. э.? Плоскодонная керамика с примесями песка? Но в пьяноборской культуре вообще не встречается подобная керамика. Находка же фигурки лошади в сибирском стиле, как изображения, выполненного в зооморфном стиле, также чуждо пьяноборским племенам.

Других фактов А. П. Смирнов не находит, поскольку их нет, и все же отстаивает старую концепцию о пьяноборской культуре, как культуре, распространенной на территории всего Нижнего Прикамья. Указанный автор не коснулся других выдвинутых нами основных положений, за исключением вопроса о выделении азелинской культуры. Но и здесь выбран довольно странный путь. Анализируются не азелинские (или позднепьяноборские в трактовке А. П. Смирнова) памятники, а материалы Кошибеевского могильника (Смирнов, 1961, стр. 102—103) и делается вывод об ошибочном «положении В. Ф. Генинга о позднем продвижении пьяноборских племен, называемых им азелинскими, на «Вятку» и о том, что «историческое построение, основанное якобы на анализе данных археологии, находится в противоречии с конкретным привлеченным В. Ф. Генингом материалом могильника Чеганда II» (там же, стр. 103). Это противоречие, по мнению А. П. Смирнова, заключается в наличии в могильниках Чеганда II и Кошибеевском таких вещей, как косники, сапожковые привески, лапки пьяноборского типа и, соответственно, отсутствие их в азелинских. Подобный факт действительно имеет место и именно он послужил в свое время основанием для датировки Кошибеевского могильника I—III вв. н. э. (Ефименко, 1927). Но ведь все комплексы погребений, где найдены позднепьяноборские типы вещей, содержат также вещи, типичные только для азелинской культуры и датируемые временем не ранее начала III в. н. э. Это и заставило нас сделать вывод о позднем, не ранее начала III в. н. э., уста-

новления тесного контакта между окскими и азелинскими племенами, в эпоху продвижения последних на запад. Сохранение же у некоторых групп кошибеевского населения старых пьяноборских форм, в то время как они уже исчезли у азелинского, объяснить нетрудно. Оторвавшись от своего основного этнического массива, какая-то группа населения могла еще долго сохранять свои архаичные традиции, в то время как у основной массы появились уже новые формы.

Таким образом, и это положение А. П. Смирнова о непрерывном контакте пьяноборского и кошибеевского населения, как и утверждение о широкой территории расселения пьяноборских племен, не выдерживает проверки фактами.

Итак, значительные исследования, проведенные в последние годы на памятниках пьяноборской культуры, дали обширные новые материалы, позволившие поставить по-новому проблему изучения истории нижне-камского населения на рубеже нашей эры. Впервые достаточно четко удалось классифицировать памятники и создать хронологическую схему развития вещевого материала данной эпохи, поставить вопрос о развитии хозяйства и общественного строя носителей пьяноборской культуры. Население пьяноборской культуры в общественном развитии находилось на грани распада родового строя и весьма примечательным фактом, открытым в результате исследования, является наличие постоянного племенного союза, занимавшего компактную, весьма ограниченную территорию. Создание таких постоянных племенных союзов привело к консолидации отдельных групп древнего населения и явилось началом процесса формирования отдельных народностей.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Энгельс Ф. 1951. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат.

Акимов А. М. С. 1961. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья. ВАУ, вып. 1, Свердловск.

Бадер О. Н. 1956. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг. УЗПУ, т. XI, вып. 3, Харьков.

Бадер О. Н. и Оборин В. А. 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.

Брюсов А. Я. 1956. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI.

Генинг В. Ф. 1956. Что должен знать юный турист об археологических памятниках Удмуртии. Ижевск.

Генинг В. Ф. 1957. Очерк работ Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 18. Ижевск.

Генинг В. Ф. 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.

Генинг В. Ф. 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Труды КФАН СССР, Серия гуманитарных наук, т. 2. Казань.

Генинг В. Ф. 1959а. Удмуртская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 74.

Генинг В. Ф. 1959б. Могильник Качка. ОКВАЭ, вып. 1, стр. 196—209.

Генинг В. Ф. 1959в. Осинское городище. ОКВАЭ, вып. 1, стр. 164—195.

Генинг В. Ф. 1961. Проблемы изучения железного века Урала. ВАУ, вып. 1. Свердловск.

Генинг В. Ф., Оборин В. А. 1961. К вопросу о гляденовской культуре. УЗПУ, т. XIII, вып. 3.

Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии. ВАУ, вып. 1. Свердловск.

- Горюнова Е. И. 1934. Вичмарский могильник. ПИДО, № 9—10.
- Горюнова Е. И. 1934а. Мари-Луговской могильник. ПИДО, № 9—10.
- Древности (1933). Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Материалы ГАИМК, вып. 2.
- Ефименко П. П. 1927. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2. Л. л.
- Калинин Н. Ф. 1928. Памятник пьяноборской культуры близ с. Мордовские Каратаи. ИОАИЭКУ, т. XXXIV, вып. 1—2.
- Кондратьева Г. С., Стоянов В. Е. Удмуртская археологическая экспедиция, ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Кузнецов С. К. 1899. Атамановы Кости, ИОАИЭКУ, т. III. Казань.
- Нефедов Ф. Д. 1899. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. МАВГР, т. III. М.
- Новокрещенных Н. Н. 1914. Гляденовское костыще. Труды ПУАК, вып. XI. Пермь.
- Оборин В. А. 1956. К вопросу об удмуртско-пермяцких связях в IX—XV вв. УЗ ПГУ, т. XI, в. 3.
- Оборин В. А. 1961. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Смирнов А. П. 1948. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, вып. XXV.
- Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, МИА, № 28.
- Смирнов А. П. 1957. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. СА, № 3.
- Смирнов А. П. 1961. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95.
- Спицын А. А. 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР, т. 1, М.
- Спицын А. А. 1901. Древности бассейна рек Оки и Камы. МАР № 25, СПб.
- Спицын А. А. 1901а. Гляденовское костыще. ЗРАО, т. XIII, в. 1—2.
- Tallgren A. M. 1919. Collection Zaoussailov, t. II, Helsingfors.
- Тальгрэн А. М. 1920. Два могильника железного века в Казанском уезде. ИОАИЭКУ, т. XXX, вып. 3. Казань.
- Халиков А. Х. 1958. Марийская археологическая экспедиция 1956 г. Труды Марийского научно-исследовательского института, вып. XI, Йошкар-Ола.
- Худяков И. Г. 1934. Азелинский могильник. ПИДО, № 7—8, М.-Л.
- Худяков М. Г. 1928. Воробьевский и Вичмарский могильники. ИОАИЭКУ, т. XXXIV, вып. 3—4. Казань.
- Худяков М. Г. 1929. Эполетообразные застежки Прикамья. Сборник аспирантов, ГАИМК, вып. 1.
- Худяков М. Г. 1933. Нырғындынские I и II могильники. Материалы ГАИМК, в. 2.
- Schmidt A. V. 1927. Kačka. ESA. I, Helsinki.
- Шмидт А. В. 1928. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область. Сборник музея антропологии и этнографии, т. VII. Л.
- Шмидт А. В. 1932. Жертвенные места Камско-Уральского края. Известия ГАИМК, вып. 1—2.